

В 235660

№ 2219
Инварь 2219.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1.

Т. 52
с

Т. 52 с

Я. П. ПОЛОНСКАГО.

~~8214~~

(ДОПОЛНЕНИЕ КЪ СТИХ. ИЗДАНЫМЪ ВЪ 1855 Г.)

КІЕВСКАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

2.

Кузнецко-Музыкаль.

Инвентарн. № *2219*
Система титл. *11934*

СОВПРО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМП., ВЪ ТОРГОВОЙ, 17.

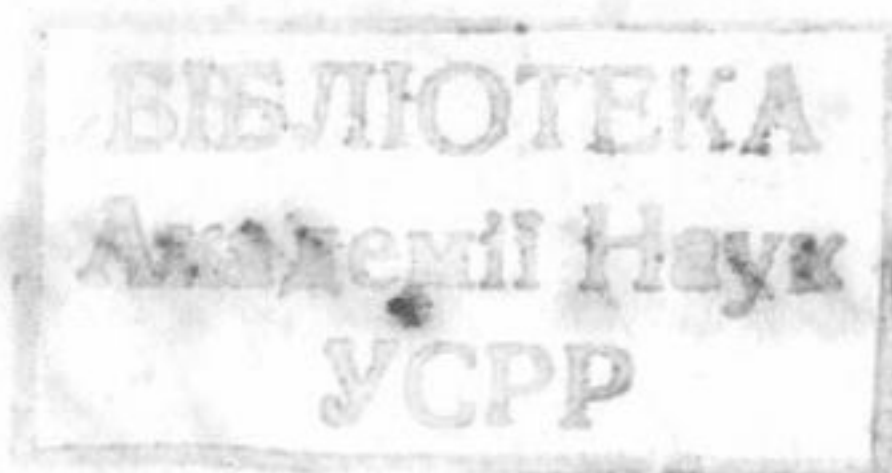
1859. ✓

П

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ,
14 Апрѣля 1859 года.

Ценсоръ С. Палаузовъ.

Ст. № 2219

У. К.

Л52
с

НА ЧЕРНОМЪ МОРЬ.

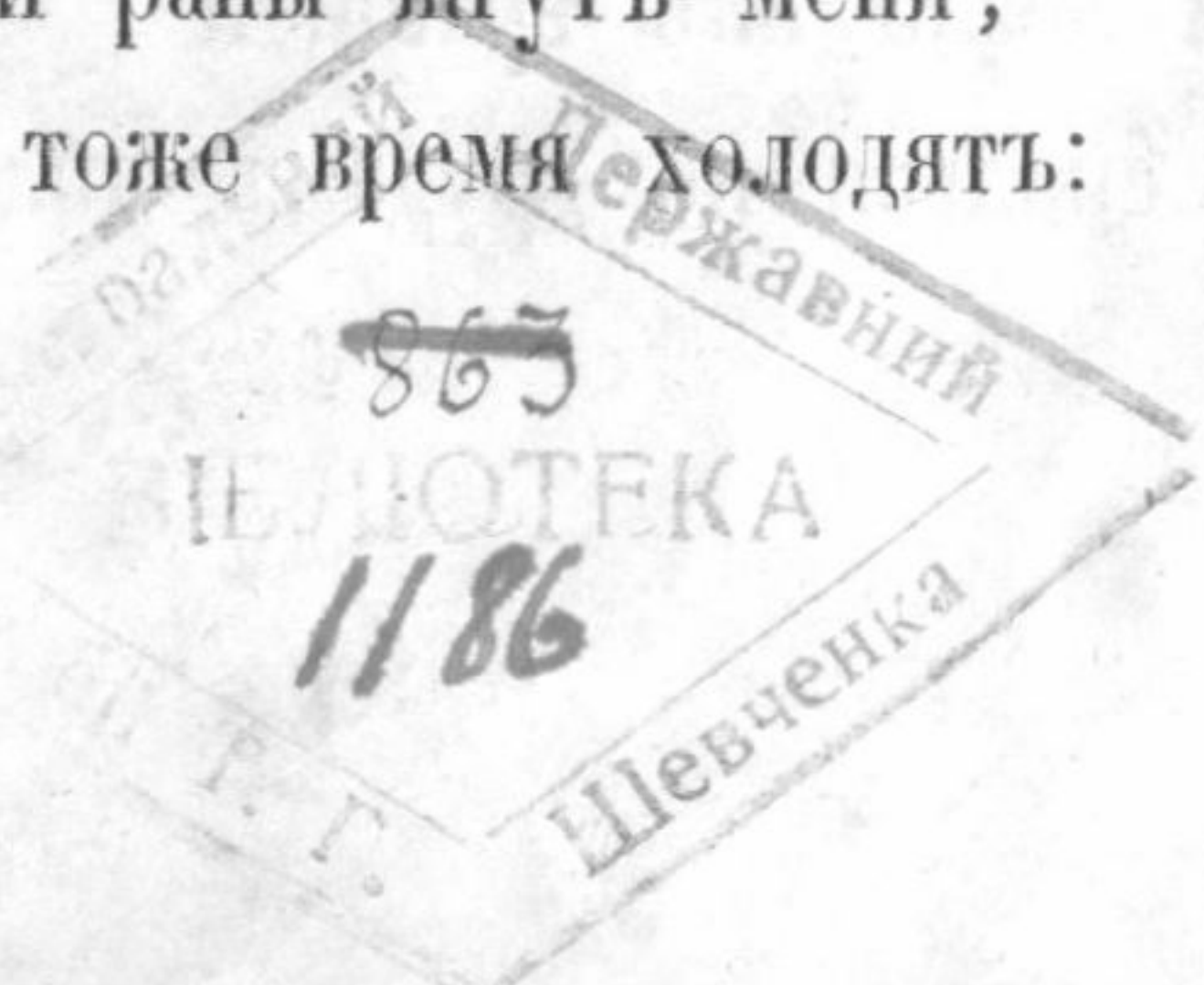
1855 года.

С. П. Догжилова

Отраднѣй сна, товарищъ мой,
 Мнѣ побесѣдовать съ тобой:
 Сердитый валъ къ намъ въ люки бѣётъ;
 Фонарь скрипитъ надъ головой;
 И тяжело стонетъ пароходъ,
 Какъ умирающій больной.

Ты также раненъ, какъ и я....
 Но эти раны жгутъ меня,
 И въ тоже время холодятъ:

1*

Не спасъ меня хирурга ножъ!
Но ты меня моложе, братъ, —
И ты меня переживёшь.

Едва ли, впрочемъ, этотъ Крымъ,
И этотъ гуль, и этотъ дымъ,
И эти кучи смрадныхъ тѣлъ,
Забудешь ты когданибудь,
Куда бы ты не полетѣлъ
Душой и тѣломъ отдохнуть.

На лонѣ мира и любви
Ты вспомнишь — ужасъ! — ты въ крови
Топталъ товарищей своихъ,
Ты слышалъ ихъ предсмертный хрипъ,
Ты, раненый, близъ ранъ моихъ
Лежалъ, страдалъ и — не погибъ.

Какой цѣной, ты вспомнишь, братъ,
Купили мы развалинъ рядъ!
Для человѣческихъ ушей
Громъ неестественный гремѣлъ,
Когда мы лезли изъ траншей
На валъ, скользя по грудамъ тѣлъ.

И одолѣли мы врага....
И замеръ крикъ.... Едва нога
Француза перешла тотъ валъ,
Гдѣ былъ когда-то ихъ редутъ,
Велѣдъ за громами вдругъ насталь
Какъ бы послѣдній страшный судъ.

Неслыханная тишина,
Тоски и ужаса полна,
Распространившаяся вдругъ,
Казалось, говорила намъ,
Что небеса пришли въ испугъ,
Что страшно даже мертвецамъ.

На камняхъ я, лишенный силъ,
Лежалъ—и вотъ глаза раскрылъ....
Молчанье скалъ, затихшій громъ —
Все было странно такъ.... Привстать
Хотѣлось.... голову съ трудомъ
Я поднялъ—и хотѣлъ кричать....

Стѣна была обагрена....
Дымъ застилалъ, какъ пелена,
Небесный сводъ—и отъ земли

Тяжелый поднимался парь....
Вдали пылали корабли,
И отражалъ заливъ пожаръ.

Ликуйте, гордые умы!
Могилу храбрыхъ взяли мы....
Коварной славы сладкій дымъ,
Ты горекъ намъ, ты дорогъ намъ!
Но — фиміамъ необходимъ
Кумиру и его жрецамъ.

Когда ты снова посѣтишь
Нашъ императорскій Парижъ,
Смутить тебя побѣдный крикъ,
Какъ пляска послѣ похоронъ,
Какъ сумасшедшаго языкъ,
Какъ смѣхъ, въ которомъ слышенъ стонъ.

Пускай нашъ новый полубогъ
Вкушаетъ славу!... Я-бъ не могъ...
Я для иного былъ рожденъ,
Иныя цѣли смѣлъ таить,
И былъ, какъ бурей, увлеченъ
Туда, гдѣ я не могъ любить....

И гдѣ, казалось-бы, не слѣдъ
Мнѣ умереть въ чаду побѣдъ....
Но — умираю.... Все, что я
Любилъ когда-то, въ эту ночь
Какъ будто около меня
Стоить, и не отходить прочь.

Я вижу — вотъ моя семья....
Вотъ мать.... вотъ нѣжная моя
Подруга.... дѣти.... Боже мой!
А это кто?!... Иль это бредъ?...
Какой-то призракъ роковой —
Въ блестящей мантии скелетъ....

Ужели смерть?... Зачѣмъ она
Грозя кричитъ: «Пылай война!
Враждуйте, племена всѣхъ странъ!
Вотъ вамъ республика и тронъ,
И христіанство и коранъ,
✕ Мадзини и Наполеонъ!»

Скажи, что значу я предъ ней,
Со всею гордостью моею?...
Ея десница мнѣ на грудь

Легла, — и я, какъ тряпка, смять!
Освободи братъ! дай вздохнуть!....
А-га! да ты ужь умерь, братъ!

4/1
1855 года.

Бродяга

* * *

X

Вижу-ль я, какъ во храмъ смиренно она
Передъ образомъ Дѣвы, Царицы небесной стоитъ
(Такъ молиться лишь можетъ святая одна) —
И болить мое сердце—болить!

Вижу-ль я, какъ на балѣ сверкаетъ она
Пожирающимъ взглядомъ, горячимъ румянцемъ ланить
(Такъ надменно блеститъ лишь одинъ Сатана) —
И болить мое сердце—болить!

И молю я Владычицу-Дѣву, скорбя:
Ниспошли ей Владычица-Дѣва терновый вѣнокъ,
Чтобъ, ее за страданья, за слезы любя,
Я ее ненавиждѣть не могъ.

И зову я къ тебѣ, Сатана! — оглуши,
Ослѣпи ты ее, подари ей блестящій вѣнокъ!
Чтобъ, ее ненавидя всей силой души,
Я любить ее больше не могъ.

31

Челу

*

Царство науки не знает предѣла,
Всюду слѣды ея вѣчныхъ побѣдъ —
Разума слово и дѣло,
Сила и свѣтъ.

Гордая Муза! не бойся коварства!
Крикни толпѣ: отзовись хоть одинъ!²⁾
Этаго свѣтлаго царства
Кто гражданинъ?

Въ темной толпѣ мы не много услышимъ
Братски отзывныхъ, живыхъ голосовъ:
Много-ли-жъ дѣлъ мы запишемъ—
Много-ли словъ?

Словъ, разрѣшающихъ наше сомнѣнье,
Въ чемъ наша сила, и гдѣ нашъ покой,
Вѣщихъ, и полныхъ значенья
Правды святой.

Міру, какъ новое солнце, сіяетъ
Свѣточъ науки и, только при немъ,
Муза чело украшаетъ
Свѣжимъ вѣнкомъ.

4

З В Ъ З Д Ы .

Х

Посреди свѣтилъ ночныхъ,
Далеко мерцающихъ,
Изъ тумановъ млечными
Пятнами блуждающихъ,
И переплывающихъ
Небеса полярныя,
Новыя созиждутся
Звѣзды свѣтозарныя.
Такъ и вы, туманныя
Мысли, тихо носитесь,
И, неизъяснимыя,
Въ душу глухо проситесь;

Такъ и вы, надъ нашими
Темными могилами,
Загоритесь нѣкогда
Яркими свѣтилами....

4

А Г А Р Ъ .

«Завистью гонима, я бѣгу стыда —
И никто не сыщеть моего слѣда.

«Кущи господина! сѣни госпожи!
Вертоградъ зеленый! столбъ родной межи!

«Поле, гдѣ доила я веселыхъ козъ!
Ложе, гдѣ такъ много пролила я слезъ!

«И очагъ домашній, и святой алтарь! —
Все прости на вѣки!» — говоритъ Агарь.

И ее въ пустыню духъ вражды влечетъ,
И пустыня словно все за ней идетъ,

Все впередъ заходить, и со всѣхъ сторонъ
Ей грозить и душить, какъ тяжелый сонъ.

Сѣрыя каменья, лава и песокъ
Подъ лучами солнца жгутъ подошвы ногъ.

Пальмъ высокихъ листья сухо шелестятъ;
Тѣни безъ прохлады по лицу скользятъ;

И въ лице ей вѣтеръ дышетъ горячо;
И кувшинъ ей давитъ смуглое плечо.

Сердце замираетъ, ноги устаютъ,
Слезы высыхаютъ, и опять текутъ....

Чу! вдали журчанье ключевой воды,
По краямъ оврага свѣжіе слѣды.

Знать не даромъ пастырь здѣсь прогналъ стада.
Вотъ — скамья и жолобъ, зелень и вода.

И, слагая ношу, сѣла отдыхать
Бывшая рабыня — будущая мать.

И страшась пустыни и боясь пути,
И не зная гдѣ ей спутниковъ найти,

Головой поникла съ тайною мольбой.

Вдругъ, какъ будто съ вѣтромъ, сладостно-живой

Голосъ не воздушный, но и не земной

Прозвучалъ въ пустынь, говоря съ душой.

И она очнулась... слушая, глядитъ,

Видитъ—ангелъ Божій на пескѣ стоитъ.

Бѣлая одежда, бѣлое крыло,

Кроткое сіянье—строгое чело.

— Ты куда? — спросилъ онъ. «Я иду въ Кадисъ.»

И сказалъ ей ангелъ: — съ миромъ воротись. —

«Я бѣгу отъ Сары, госпожи моей.»

И сказалъ ей ангелъ: — примирися съ ней!...

— И родишь ты сына, силу многихъ силъ...

Наречеши имя ему Измаиль:

Инвентарь № 865

— И рука Господня будетъ вѣчно съ нимъ....
Населятся страны семенемъ твоимъ....—

И съ отрадой въ сердцѣ началà вставать
Бывшая рабыня—будущая мать.

4 2

ПЕРЕДЪ ОТЪЪЗДОМЪ

въ альбомъ гр. К. Толстой.

Я счастливъ, если я, скитаясь по землѣ,
Гонюсь за счастиемъ, котораго не знаю...

Я уѣзжаю, снова уѣзжаю,

И на твоёмъ младенческомъ челѣ

Мой поцѣлуй прощальный покидаю.

Его никѣмъ не зримый слѣдъ

Едва-ли сохранять твои воспоминанья:

Исчезнетъ онъ, какъ чувство безъ названья,

Какъ облетѣвшаго цвѣтка благоуханье,

Какъ вздохъ, которому истолкованья нѣтъ.

Но если я, застигнутый ненастьемъ,
Но если я въ борьбѣ съ несчастьемъ
Останусь твердъ и невредимъ —
Повѣрь, я вспомню съ умиленьемъ,
Что дѣтскимъ сердцемъ я когда-то былъ любимъ —
И что я былъ младенческимъ твоимъ
Напутствуемъ благословеньемъ.

ИХ
1 марта 1855 г.

И. С. А.

Ивану Сер. Аксакову

Когда мнѣ въ сердце бьётъ, звеня какъ мечъ тяжелый,
Твой жесткій, беспощадный стихъ,
Съ невольнымъ трепетомъ я внемлю невеселой,
Холодной правдѣ словъ твоихъ.

Въ негодованіе души твоей вникая,
Собрать, пойму-ли я тебя?
На смѣлый голосъ твой откликнуться желая,
Какимъ стихомъ откликнусь я?

Не внемля шопоту соблазна, строгій геній
Ведеть тебя инымъ путемъ —

Туда, гдѣ нѣтъ уже ни жаркихъ увлеченій,
Ни примиренія со зломъ.

И если ты блуждалъ, съ тобой мы врознь блуждали:
Я силы сердца не щадилъ,
Ты не щадилъ труда, и—оба мы страдали:
Ты больше мыслилъ, я любилъ.

Общественнаго зла ты корень изучая,
Стоялъ надъ нимъ съ ножемъ, какъ врачъ:—
Я выжалъ сокъ его,—пилъ, душу отравляя,
И заглушая сердца плачь.

Къ чему оно влеклось, кого оно согрѣло?
Зачѣмъ измучено борьбой?
О, братъ! пойму-ли я при звукахъ лиры, смѣло,
Законно поднятой тобой.

Быть можетъ, знать добро — не значить зла не видѣть,
Любить — не значить тосковать....

Что искренно нельзя и тьмы возненавидѣть
Тому, кто самъ не могъ сіять.

Вотъ почему, когда звенить, какъ мечъ тяжелый,
Твой жесткій, безпощадный стихъ,
Съ невольнымъ трепетомъ я внемлю невеселой,
Холодной правдѣ словъ твоихъ.

4x
1856 г.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОСЪ.

Книжечный голосъ

Когда душа твоя, страдая,
Полна любви; а между тѣмъ
Ты любишь, самъ не понимая,
Кого ты любишь и за чѣмъ —

Изъ глубины, откуда бьется
Пульсъ жизни сердца твоего,
Мой голосъ смутно раздается:
Услышь его! пойми его!

Кто я? — меня не видитъ око....
Но — близкій сердцу, какъ печаль —
Я, какъ мечта, ношусь далѣко,
Зову и — увлекаю вдаль.

Я — не доступный мыслямъ празднымъ —
Я тотъ, кто въ благодати своей,
Законы далъ звѣздамъ алмазнымъ,
Свободу далъ душѣ твоей.

Живой источникъ мыслей тайныхъ,
Свой вѣчный свѣтъ вливая въ нихъ,
Мнѣ мало дѣла до случайныхъ
Тревогъ и радостей твоихъ;

Но, безконечно всюду вѣя,
Хочу, чтобъ жизнь была полна,
Въ твоей душѣ вопросы сѣя,
Дышу на эти семена —

И говорю: на почвѣ скудной
Дай вырѣть Божьимъ семенамъ,
Въ день благодатный жатвы трудной
Я за дѣла твои воздамъ.

4

С Н Ы.

I.

Затворены душныя ставни;
Одинъ я лежу, безъ огня.
Не жаль мнѣ ни яснаго солнца,
Ни Божьяго бѣлаго дня.

Мнѣ снилось: румяное солнце
Въ постелѣ меня застаеть,
Кидаеть лучи по окошкамъ,
И молодость къ жизни зоветъ.

И странно во снѣ мнѣ казалось,
Что будто, пригрѣтый лучемъ,
Лѣнливо я голову поднялъ,
И сталъ озираться кругомъ.

Мнѣ снилось: толпа за толпою
Снуетъ мимо оконъ моихъ....
О, глупые люди! куда вы?
Я думаю, глядя на нихъ.

И самъ наконецъ я за ними
Куда-то спѣшу изъ воротъ....
И жжетъ меня полдень—и пыльный
Кругомъ суетится народъ.

И ходятъ послушныя ноги,
И движутся руки мои,
Безъ мысли языкъ мой лепечетъ
И сердце болить безъ любви.

И вотъ ужъ гляжу я на западъ,
Усталою грудью дыша:
Когда-то закатится солнце!
Когда-то проснется душа!

Проснулся: затворены ставни;
Одинъ я лежу, безъ огня.
Не жаль мнѣ ни яснаго солнца,
Ни Божьяго бѣлаго дня.

II.

Мнѣ снилось, легка и воздушна,
Прошла она мимо окна;
И слышу я голосъ: мой милый!
Спѣши! я сегодня одна!...

Слова эти были такъ нѣжны,
И такъ нетерпѣнья полны,
Что сердце мое вострепелось,
Какъ птичка на встрѣчу весны.

И радостнымъ сердца движеньемъ
Себя разбудилъ я.... увы!
Глядѣла въ окно мое полночь,
И слышались крики совы.

И долго лежалъ я — и дума
Была, какъ свинецъ, тяжела.
Неужели въ это окошко
Она меня громко звала?

Неужели въ это окошко
Другимъ я когда то смотрѣлъ?

3x

Былъ вѣтренъ, и молодъ, и весель,
И многого знать не хотѣль?

III.

Ужь утро! — но, Боже мой, гдѣ я?
Въ своемъ ли я нынче умѣ?
Вчера мнѣ казалось такъ живо,
Что я засыпаю въ тюрьмѣ.

Что кашляетъ сторожъ за дверью,
И что за туманнымъ стекломъ
Луна изъ за черной решетки
Сіяетъ холоднымъ серпомъ.

Что мышка подкралась и скоблетъ
Ночникъ мой, потухшій въ углу,
И что все какая-то птичка
Съ надворья стучить по стеклу.

Ужь утро! — но, Боже мой, гдѣ я?
Заснулъ я какъ будто въ тюрьмѣ,
Проснулся какъ будто свободный!
Въ своемъ ли я нынче умѣ?

*Ничего не въ св
а въ умѣ своей раба
старуха*

28 Poshin

КІЕВСКАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА.

НА ПУТИ ИЗЪ ГОСТЕЙ.

Славный морозъ. Ночь была-бы свѣтла,
Да застигаетъ сіянье
Мѣсяца душу - гнетущая мгла —
Жизни застывшей дыханье.

Слышится города шорохъ ночной,
Снѣгъ подметеный скрипитъ подъ ногой....
Дальнихъ огней вижу мутныя звѣзды,
Да запертые подъѣзды....
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Что же въ гостяхъ удержало меня?
Или мнѣ было привольно,

Въ сладкомъ забвеньи безплоднаго дня,
Мучить себя добровольно?
Скучно и глупо безъ цѣли болтать....
И не охотникъ я въ карты играть,
Даже, признаться, не радуется ужинъ;
Да и кому я тамъ нуженъ!
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Мери сегодня была весела,
И граціозно-любезна;
Но хоть она и умна и мила—
Нравиться ей бесполезно.
Слушать — такъ право, на горе мое,
Бредитъ героями.... но до нее
Мнѣ далеко, потому что невѣста
Ищетъ доходнаго мѣста.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Олимпіада простѣе сестры....
Впрочемъ — глаза съ поволокомъ;

Листа играетъ; во время игры
Пальцы летаютъ съ прискокомъ,
Клавиши такъ и стучать и гремятъ....
Всѣ, будто въ страхѣ какомъ-то, молчатъ....
Правду сказать, мастера ея руки
На музыкальныя штуки!
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Викторъ стихи намъ сегодня прочелъ:
Дамы остались довольны;
Только старикъ отъ чего-то нашель,
Что черезъ-чуръ мысли вольны,
Что молодежь нынче стала писать
Такъ, что не слѣдуетъ вслухъ и читать.
Вотъ и прочелъ я стихи эти снова, —
Ну и не понялъ ни слова!
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Гости бываютъ тамъ разныхъ сортовъ:
Въ домъ пріѣзжаютъ — вертятся,

И комплиментъ у нихъ мигомъ готовъ,

Изъ дому ѣдутъ — бранятся.

Что занимаетъ ихъ — трудно понять,

Все обо-всемъ они могутъ сказать;

Каждый себя самолюбьемъ измучилъ,

Каждому каждый наскучилъ.

Боже мой! Боже мой!

Поздно приду я домой!

И. П. Волжской

Въ люди какъ-будто невольно идешь:

Все будто ищешь чего-то,

Вотъ-вотъ не нынче, такъ завтра найдешь...

Одолѣваетъ зѣвота,

Скука томить ... А проклятый червякъ

Въ сердцѣ уняться не хочетъ никакъ:

Или онъ старую рану тревожить,

Или онъ новую гложетъ.

Боже мой! Боже мой!

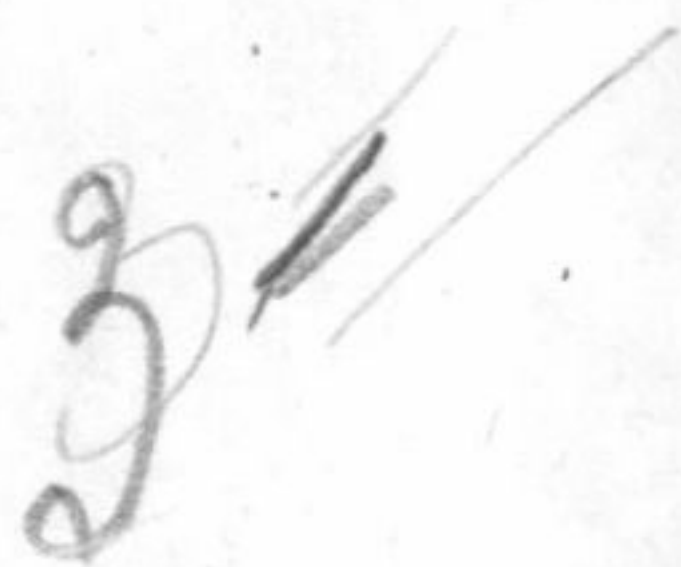
Поздно приду я домой!

Много есть чудныхъ, прекрасныхъ людей,

Свѣтлыхъ умомъ и вполне благородныхъ,

Но и они, въ родѣ блѣдныхъ тѣней,
Меркнуть душею въ гостиныхъ холодныхъ.
Есть у насъ такъ называемый свѣтъ,
Есть даже люди, а общества нѣтъ:
Русская мысль въ одиночку созрѣла,
Да и гуляетъ безъ дѣла.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Вотъ, вижу дворникъ сидитъ у воротъ,
Въ шубѣ да въ шапкѣ лохматой:
Точно медвѣдь; на усахъ его лёдъ,
Снѣгъ въ бородѣ, въ рукавицѣ лопата....
Спитъ ли онъ, такъ ли прижавшись сидитъ,
Думаетъ думу, морозы бранитъ,
Или, какъ я же, бесплодно мечтаетъ,
Или меня поджидаетъ?
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Бѣдняжка, я видѣль потомъ,
Клевала отборныя зерна, —
Потомъ щебетала — не знаю о чемъ —
Такъ грустно и такъ не притворно!

О томъ ли грустила она,
Что крылышки доля связала?
О томъ ли, что, рано промчавшись, весна
На вѣкъ мои пѣсни умчала?

3X

1856 года.

— 38 —

Видно, и видна потопь
Кладбище отобрывъ зорна
Потопь отобрывъ — не видна о зорна
Такъ трудно в такъ не отобрывъ

X

НА КЛАДБИЩѢ.

Знаю самъ, что непробуденъ
Мертвыхъ сонъ, и что къ лунѣ
Доступъ мой не столько труденъ,
Сколько доступъ ихъ ко мнѣ,
Знаю самъ, что воздухъ чище
За чертою городской....
Отчего же на кладбищѣ
Сердцу жутко въ часъ ночной?

Такъ и кажется, что тѣни
Мертвыхъ колоколь съзоветъ....
На церковныя ступени
Призракъ сядетъ и вздохнетъ;

Иль, костлявыми руками
Мертвеца приподнята,
Глухо стукнетъ за кустами
Надмогильная плита.

Суевѣріе-ль въ наслѣдство
Получилъ я отъ отцовъ?
Напугала-ль няня съ дѣтства
Появленьемъ мертвецовъ?
Но изъ области мечтаній,
Изъ-подъ власти темныхъ силъ
Я ушелъ — и волхвованій
Мракъ наукой озарилъ.

Муза стала мнѣ являться
Жрицей мысли, безъ оковъ,
И учила не бояться
Ни живыхъ, ни мертвецовъ.
Отчего-жъ невольный трепеть
Пробѣгаетъ по спинѣ
Всякій разъ, какъ листьевъ лепеть
Здѣсь я слышу при лунѣ?

Много въ небѣ звѣздъ далекихъ;

Небо тайнами полно;

Но на днѣ могилъ глубокихъ

Меньше-ль тайнъ погребено?

Въ мірѣ звѣздъ, по крайней мѣрѣ,

Умъ нашъ крылъ не опустилъ,

И открылъ, внимая вѣрѣ,

Тяготѣніе свѣтилъ.

Въ мірѣ тлѣнья не выноситъ

Умъ — свидѣтельства нѣмыхъ.

И, безкрылый, робко проситъ

Убѣжать скорѣй отъ нихъ.

Здѣсь боюсь я вспомнить разомъ

Всѣ повѣрія отцовъ:

Няни сказочнымъ разсказамъ

Здѣсь повѣрить я готовъ!

4

НОЧЬ ВЪ КРЫМУ.

Помнишь — лунное мерцанье,
Шорохъ моря подъ скалой,
Сонныхъ листьевъ колыханье,
И цикады стрекотанье
За оградой садовѣй?...

Въ полумглѣ, нагорнымъ садамъ,
Шли мы.... лавръ благоухаль;
Гротъ чернѣль за виноградомъ,
И бассейнъ подъ водопадомъ
Переполненный звучаль....

Помнишь — свѣжее дыханье,
Запахъ розы, говоръ струй —

Всей природы обаянье,
И невольное слянье
Усть въ нежданный поцѣлуй?

Эта музыка природы —
Эта музыка души
Мнѣ въ иные, злые годы,
Послѣ бурь и непогоды,
Ясно слышилась въ тиши.

Я внималъ — и сердце грѣлось
Съ юга вѣющимъ тепломъ...
Легче вѣрилось и пѣлось...
Я внималъ — и мнѣ хотѣлось
~~Этой музыки во всѣмъ...~~

4

5+

МОЛИТВА.

Отче нашъ! сына моленною вземли!
Все-проникающую,
Все-созидающую,
Братскую дай намъ любовь на земли!

Сыне, распятый во имя любви!
Ожесточаемое,
Оскудѣваемое
Сердце ты въ насъ освѣжи, обнови!

Духъ Святый! правды источникъ живой!
Силы дай страждущему;
Разуму жаждущему
Ты вожделенныя тайны открой!

Боже! спаси ты отъ всякихъ цѣпей
Душу проснувшуюся,
И ужаснувшуюся
Мрака и зла и не правды людей!

Вставшихъ на гласъ твой услыши мольбу,
И цѣпенѣющую,
Въ лѣни коснѣющую
Жизнь разбуди на святую борьбу!

1858.

31

ГАПСАЛЬ 1852.

Скучный и однообразный,
Безтолковый градъ Гапсаль,
Гдѣ провелъ я мѣсяць праздный,
Убаюкавъ въ ваннѣ грязной
Все — и радость и печаль;
Гдѣ терпѣлъ я лѣтомъ стужу;
Гдѣ похожъ заливъ морской,
Не на море, а на лужу,
Съ застоявшею водой;
Гдѣ особенно печаленъ
Видъ затворенныхъ купаленъ —
Самый лучшій здѣшній видъ;
Гдѣ насось неутомонный

Цѣлый день, изъ лужи сонной,
Тянетъ воду и — скрипитъ;
Гдѣ безлюдныя гулянья
Оглашаютъ скрипачи;
Гдѣ напрасны всѣ желанья,
Сколько тутъ ни хлопочи;
Гдѣ красавицы чухонской
Пятки, носъ и волоса
Воспѣвать готовъ Палонскій,
Какъ большія чудеса;
Гдѣ, скажу еще вдобавокъ,
Медицинскій нуженъ навыкъ,
Чтобъ узнать безъ лишнихъ словъ,
Кто здѣсь болѣнъ, кто здоровъ:
На иныхъ глядѣть завидно —
Ничего въ лицѣ не видно.....

31

Недавно ты изъ мрака вышелъ,

Недавно ты пошелъ назадъ,

И все ты видѣлъ, все ты слышалъ, —

И все ты понялъ невпопадъ....

Остановись! уже-ль намѣдни,

Безумецъ, не замѣтилъ ты,

Что потушилъ огонь послѣдній,

И смялъ послѣдніе цвѣты!....

~~Сиди
со, уды!~~

Не п

мас
про

3

а от

Стро

* * *

Вчера священники служили въ ризахъ черныхъ;
Горѣли свѣчи; изъ кадилаицъ дымъ
Вставалъ столбомъ; и съ пѣнъемъ гробовымъ
Сливался гласъ молитъ покорныхъ....

И язвы Господа, Который распятъ былъ,
Толпа лобзала грѣшными устами;
А я—одну тебя, скорбя, искалъ глазами
Въ дыму бряцающихъ кадилъ.

И видѣлъ я, какъ жарко ты молилась,
Какъ вѣры чистый лучъ въ глазахъ твоихъ сіялъ;
Твоя душа на небо возносилась,
Я на землѣ по ней, какъ грѣшникъ, тосковалъ.

Сего-дня свѣтлый день и церковь, торжествуя,
Поеть: «Христось воскресъ!» — колокола звучать;

Весной дыша и празднично ликуя,
Толпы по улицамъ шумять.
Въ веселыхъ маскахъ ходятъ лицемѣры;
Готовы цѣловать меня враги мои;
А мнѣ, я чувствую, какъ мало свѣта, вѣры,
Безъ теплаго луча твоей любви.
Но, гдѣ же ты? — зову, молю — хоть мимо
Пройди, о, геній чистый мой!
Мнѣ кротко улыбнись улыбкой Херувима,
Иль, какъ дитя, посмѣйся надо-мною!
Слегка руки моей коснись твоей рукою;
Наполни душу мнѣ предчувствіемъ небесъ,
Чтобъ могъ я радостнѣй, воскреснувши душою,
Произнести: воистину воскресъ!

Н А Я Д Ы .

(Фантазія.)

Quos ego!...

Virgil.

Я всю ночь просидѣлъ на уступѣ скалы,
И знакомый мнѣ ропотъ я слышалъ у ногъ:
То Эгейское море катило валы,
И плескало на рыхлый песокъ.
Тамъ, довѣрясь пустынѣ, я громко читалъ
Заунывныя пѣсни отчизны моей,
Говорилъ я народу, не видя людей,
И далѣко по взморью мой голосъ звучалъ.
Надъ пучиною, въ лонѣ глубокихъ небесъ,
Почивалъ громовержецъ Зевесъ....
Все по прежнему!—вѣра была не нова....

И я громко боговъ уличалъ; но едва
Я замолкъ—на яву увидалъ чудный сонъ:
Въ лунный блескъ изъ воды поднялась голова,
И другая, и третья, и слѣдомъ за ней,
На поверхности ровно-бѣгущихъ зыбей,
И вдали, и вблизи, цѣлый рой
Ихъ возникъ изъ пучины морской.
То все были Наяды. Въ серебряной мглѣ
Рисовались ихъ очерки; тихо онѣ
Колыхались и плыли, какъ лѣна, къ землѣ,
И нагя мерцали при полной лунѣ...
И луны отраженье колебля, заливъ
Тихо къ отмели несъ ихъ, журча какъ потокъ,
И къ отлогому берегу молча приплывъ,
Нимфы моря локтями на влажный песокъ
Оперлись и поникли...

Я долго не могъ

Ни понять, ни разслушать ихъ. Вдругъ
Сладкогласная рѣчь поразила мой слухъ:

„Это онъ! земнородный титанъ Прометей,

„Что похитилъ огонь у небесъ!—это онъ,

„Одарившій душею людей!

„Не его ли мы слышали стонъ?

„Тише, сестры!—быть может, опять
„Мы услышимъ страдальческій голосъ его,
„Научающій мыслить, страдать
„И любить, не боясь никого!“

Въ этотъ мигъ надъ заливомъ свинцовой горой
Поднялася громада-волна. Страшный гуль
Сонный воздухъ потрясъ, и изъ пѣны морской,
Закачавшись, трезубецъ мелькнулъ.
Кверху—брызнулъ фонтанъ, книзу—прянулъ каскадъ,
Захрапѣли подводные кони.... Я могъ
Только видѣть сквозь брызги зубчатый вѣнокъ
Сѣдовласаго бога—владыки Наядъ;
Но не видѣлъ лица его. Сильной рукой
Онъ возжами хлеснулъ, и сердито-глухой
Раздался его голосъ: «Вотъ я васъ! назадъ!»

На яву-ли — не знаю, быть можетъ во снѣ,
Все мгновенно исчезло — и онъ, и онъ,
Только плачущій валъ
По песку прокатился до каменныхъ скалъ,
Только я просидѣлъ до румяныхъ лучей....
Поднимались ночные пары; чуть дышалъ

Поблѣднѣвшій заливъ, и я чутко молчалъ,
И молчало все....

Бѣдныя нимфы морей,
Не титанъ я, безсмертнаго мѣра творецъ. — *Едвамъ мнѣ*
Обманули васъ пѣсни отчизны моеи! *смысла*
Испугалъ васъ ревнивый отецъ!

А. Т. Толонскому

Пустословіемъ другъ ты страдаешь, *время*
Или ты сумасшедшій воплощъ, *поди*
Коль плохи стихи ты читаешь *мисс*
Среди ногъ волнамъ идуиъ *наши*
Сожалю о нимфахъ ~~прекрасныхъ~~ *прекрасныхъ*;
Не за то, что Нептунъ насъ прозналъ,
А за то, другъ, что уши несчастныхъ
Ты плохими стихами терзашъ. *А. Т.*

Всѣмъ убого надѣленно правъ

ТУМАНЪ.

Какой туманъ! ни солнца нѣтъ, ни тучи!
Деревья облеклись въ какой то дымъ пловучій;
И тянется сырой, бревенчатый заборъ
Вдоль грязной улицы, обманывая взоръ....
Вотъ нашей осени унылая картина!
Нѣтъ, что ни говори, здѣсь грустно безъ хлопотъ;
Меня здѣсь подъ ярмо сама природа гнѣтъ....
Не даромъ — эта блажь, бессонница, кручина,
Холодный сонъ души, или страстей обманъ,
Иль робость школьника, который передъ носомъ
Учителя стоитъ, запуганный вопросомъ;
Не даромъ иногда сквозь сѣющій туманъ,
Все чѣмъ жила душа, мнѣ кажется хаосомъ.

О, гдѣ ты? гдѣ, покинутая мной
Въ тѣ дни, когда я жилъ не сердцемъ, а мечтой,
И къ подвигамъ себя берегъ въ часы досуга? —
Откликнись! воротись! утѣшь названьемъ друга! —
Но — я на сѣверѣ, а ты подь солнцемъ юга —
И мой тяжелый вздохъ къ тебѣ не долетитъ.

1856.

4 =

She walks in beauty like the night.

Byron.

Тѣнь ангела прошла съ величіемъ царицы:
Въ ней были мракъ и свѣтъ, въ одно видѣнье слиты.
Я видѣлъ темныя, стыдливыя рѣсницы,
Приподнятую бровь и блѣдныя ланиты....
И съ гордой кротостью уста ея молчали;
И мнилось, если бъ вдругъ они заговорили,
    Такъ много-бы прекраснаго сказали,
    Такъ много-бы высокаго открыли,
    Что и самой бы стало ей невольно
И грустно и смѣшно и тягостно и больно.

Какъ воплощенное страданіе поэта,
Она прошла въ толпѣ съ величіемъ смиренья;
Я проводилъ ее глазами безъ привѣта
И безъ восторженныхъ похвалъ и безъ моленья.

Съ благоговѣніемъ уста мои молчали;
Но если бь какъ-нибудь они заговорили,
Такъ много-бы безумнаго сказали,
Такъ много-бы сердечныхъ язвъ раскрыли,
Что самому мнѣ стало-бь вдругъ невольно
И стыдно и смѣшно и тягостно и больно!

47

Корабль пошелъ на встрѣчу темной ночи....

Я легъ на палубу съ открытой головой;

Грустя, въ обитель звѣздъ вперилъ я сонны очи,

Какъ будто въ той странѣ таинственно-нѣмой

Для моего чела вѣнецъ плетутъ Плеады,

И зажигаютъ вѣчныя лампы,

И обѣщаютъ мнѣ безсмертія покой. ?

Но вотъ — холодный вѣтръ дохнулъ надъ океаномъ;

Небесные огни подернулись туманомъ.

И легъ я ницъ съ покрытой головой,

И въ смутныхъ грѣзахъ мнѣ казалось: подомной

Наяды съ хохотомъ въ пучинный мракъ ныряютъ,

На днѣ его могилу разгребаютъ —

И обѣщаютъ мнѣ забвенія покой. 3x

У Т Р А Т А.

Когда предчувствіемъ разлуки
Мнѣ грустно голосъ вашъ звучалъ,
Когда, смѣясь, я ваши руки
Въ моихъ рукахъ отогрѣвалъ,
Когда дорога яркой далью
Меня манила изъ глуши —
Я вашей тайною печалью
Гордился въ глубинѣ души.

Передъ непризнанной любовью
Я весель былъ въ прощальный часъ,
Но, Боже мой! съ какою болью
Въ душѣ очнулся я безъ васъ!

Какими тягостными снами
Томить, смущая мой покой,
Все недосказанное вами
И недослушанное мной!

Напрасно голосъ вашъ привѣтный
Звуча-лъ мнѣ, какъ далекій звонъ,
Изъ-за пучины: путь завѣтный
Мнѣ къ вамъ на вѣки прегражденъ!
Забудь же сердце образъ блѣдный,
Мелькнувшій въ памяти твоей,
И вновь у жизни чувствомъ бѣдной
Ищи подобья прежнихъ дней!

5 (отклик!)

И Н О Г Д А .
Н И К О Г Д А .
Б Р У С Л А .

Ложь иногда ходитъ въ видѣ
Женщины милой и скромной:
Ложь эту помню я — помню
Ликъ ея нѣжный и томный!
Тихо звучить ея голосъ
Всѣмъ обаяніемъ ласки;
Полны задумчивой тайны,
Въ душу глядятъ ея глазки.

Все мнѣ казалось правдой,
Все, чтобъ она ни сказала:
Я допускалъ добровольно
Къ сердцу змѣиное жало.

Самъ я хотѣлъ, самъ я жаждалъ
Сладкой отравы обмана....
О, глубока была вѣра! —
И глубока была рана!

Рану, которая ноетъ,
Я на груди твоей скрою;
Сердце мое, какъ ребенка,
Лаской твоей успокою.
Снова повѣрю я въ счастье,
Въ правду людей, въ правду Божью....
Или — утѣшь меня, другъ мой,
Какъ нибудь, новою ложью!

3 ✓

ХОЛОДЬЮЩАЯ НОЧЬ.

(Фантазія.)

(Посв. М. Ф. ШТАКЕНШЕЙДЕРЬ.)

Тамъ, подъ лаврами, на югѣ —
Странникъ бѣдный — только ночь
Могъ я взять себѣ въ подруги —
Юга царственную дочь.

И ко мнѣ она сходила
Въ свѣтломъ пурпурѣ зори,
На пути, въ пространствахъ неба,
Зажигая олтари.

Боже! какъ она умѣла
Раны сердца врачевать!
Какъ она надъ моремъ пѣла!
Какъ умѣла вдохновлять!

Но, увы! судьбой на сѣверъ
Приневоленный идти,
Я сказалъ подругѣ ночи:
«Ненаглядная, прости!»

А она со мной разстаться
Не хотѣла—не могла....
По горамъ, отъ слезъ мигая,
Велѣдъ за мной она текла.

То сходила на долину
Съ томно-блещущимъ челомъ,
И задумчиво стояла
Надъ моимъ степнымъ костромъ;

То со мною ночевала
Надъ рѣкою у скирдовъ,
Вѣя тонкимъ ароматомъ
Рано-скошенныхъ луговъ....

Но, чѣмъ дальше я на сѣверъ
Шель, чрезъ степи и лѣса,
Незамѣтно холодѣла
Ночи южная краса:

То, въ туманы облачаясь,
Мѣсяць прятала въ кольцо;
То съ одеждъ холодный иней
Отрясала мнѣ въ лицо.

Чѣмъ я дальше шель на сѣверъ,
Тѣмъ гналась она быстрѣй,
Раньше день перегоняла,
Уходила все позднѣй.

И молила, и стонала....
И, дрожа, я молвилъ ей:
«Ты на сѣверѣ не можешь
Быть подругою моею!»

И, сверкнувъ, у синей ночи
Помутились глаза,
И застыла на рѣсницахъ
Накипѣвшая слеза.

И пошла она, и бѣлымъ
Замахала рукавомъ,
И завыла, поднимая
Вихри снѣжныя столбомъ.

Сквозь мятель, на сѣверъ хладный
Я кой-какъ добрель домой.
Вижу — ночь лежитъ въ долину
Подъ серебряной парчѣй —

И беззвучно мнѣ лепечеть:
«Погляди, какъ я мертва:
Сердце глухо, очи тусклы,
Холодѣть голова.

«Но гляди — все тѣ-же звѣзды
Надъ моею головой....
Красотой моею мертвой
Полюбуйся, милый мой!

«И, повѣрь, что если снова
Ты воротишься на югъ —
Въ прежнемъ блескѣ я востану,
Чтобъ принять тебя, мой другъ!

«Съ прежней нѣгой надъ тобою
Я склоню главу мою,
И тебѣ, сквозь сонъ, надъ ухомъ
Пѣсню райскую спою.»

4

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Блаженъ, кому Господь сподобилъ съ вами встрѣтиться

Не на одинъ блаженный часъ!

Чей умъ при васъ невольнымъ чувствомъ свѣтится,

Чье сердце понимаетъ васъ!

Но жалокъ тотъ, кто встрѣчею случайно

На мигъ утѣшенъ вами былъ,

И вновь поникъ, томимый жаждой тайною

За вами вслѣдъ летѣть — безъ крыль.

И

Х А Н Д Р А.

На старый онъ диванъ ничкомъ
Ложился, протянувши ноги,
И говорилъ, дыша съ трудомъ,
Такие монологи:

«Какая жизнь! о, Боже мой!
Какіе страшные пигмеи!
Добро-бъ глупцы, добро-бъ злодѣи
Неотразимою враждой
Меня терзали!... Нѣтъ! съ глупцами
Я-бъ тратить словъ не сталъ; съ врагами
Я-бъ вышелъ на открытый бой.
Кто безкорыстно правдѣ служить,
Кто за себя стоитъ — не тужить!
Но какъ бороться съ пустотой

Полу-слѣпой, полу-глухой,
Которая мутить и кружить?
Бороться радъ бы — силы нѣтъ....
Подъ бременемъ безплодныхъ лѣтъ
Изнылъ мой духъ, увяла радость,
И весь я сталъ ни то, ни сѣ....
И жизнь подъ часъ такая гадость,
Что не глядѣлъ бы на нее!
Я только вздоръ одинъ предвижу;
Какая-то галиматья
Выходить изъ того, что я
Вседневно слышу, или вижу!
Не только нѣкого любить,
Мнѣ даже нѣкого сердить,
Мнѣ даже глупо ненавидѣть.
Я точно — личность безъ лица.
Такого даже нѣтъ глупца,
Кто бъ захотѣлъ меня обидѣть!
Я вѣчно ною отъ занозъ,
А разомъ всныхнуть не умѣю;
Когда я плачу — стыдно слезъ,
Когда смѣюсь — за смѣхъ краснѣю...
Какая жизнь! какой хаосъ!»

А. Н. МАЙКОВУ.

Отвѣтъ на стихи его:

«Полонскій! суждено опять судьбою злою....»

Какъ ты грустишь? — помилуй Богъ!
Скажи мнѣ, Майковъ, какъ ты могъ,
Съ дѣтьми играя, тихо глядя
Ихъ по головкѣ, слыша смѣхъ
Ихъ вѣчно-звонкій, вспомнить тѣхъ,
Чей гений палъ съ судьбой не сладя,
Чей трудъ погибъ....

Какъ могъ ты, глядя

ударение
На сѣверныя небеса,
Вдругъ вспомнить Рима чудеса,
Проникнуться воспоминаемъ,
Вообразить, что я стою,

Средь Колизея, какъ въ раю,
И подарить меня посланьемъ?
Мнѣ задушевный твой привѣтъ
Быль освѣжительно-отраденъ,
Но — я еще не въ Римѣ, — нѣтъ!
Въ окно я вижу Баденъ-Баденъ,
И тяжело гляжу на свѣтъ.
Хоть мнѣ здорово и пріятно
Парнымъ питаться молокомъ,
Дышать нетопленнымъ тепломъ
И слушать музыку бесплатно;
Но — если-бъ не было руинъ
Плющемъ повитыхъ, луговинъ
Зеленыхъ, горъ, садовъ, скамеекъ,
Холмовъ и каменныхъ лазеекъ,
Здѣсь на меня нашель бы сплинъ +
Такъ надоѣло мнѣ гулянье,
Куда, расхаживая лѣнь,
Хожу я каждый Божій день
На равнодушное свиданье,
И гдѣ встрѣчаю, радъ не радъ,
При свѣтѣ газовыхъ лампадъ,
Американцевъ, итальянцевъ,
Французовъ, англичанъ, голландцевъ,

И нѣмцевъ, и нѣмецкихъ жёнъ,
И всѣмъ-извѣстную графиню, *растоплину*
И полу-русскую княгиню,
И русскихъ множество княжёнъ.
Но въ этихъ встрѣчахъ мало толку,
И въ разговорахъ *и ни чѣмъ,*
Ожесточаюсь я умомъ,
А сердцемъ плачу въ тихомолку.
И эта жизнь меня томить,
И этотъ Бадень, съ этимъ міромъ,
Который вокругъ меня шумить,
Мнѣ кажется большимъ трактиромъ,
Въ которомъ, каждый Божій часъ,
Гуляетъ глупость на показъ.

А ты счастливецъ! — любишь ты
Домашній міръ. Твои мечты
Не знаютъ роковыхъ стремлений;
За то, какъ много впечатлѣній
Проходитъ по душѣ твоей,
Когда ты, съ удочкой своей,
Нетерпѣливый, вдохновенный,
Идешь на ловъ уединенный.
Или раздвинувъ тростники,

Надъ золотистыми струями
Стоишь — протеръ свои очки —
И жадными слѣдишь глазами,
Какъ шевелятся поплавки.
И весь ты страстное внимаешь....
Вотъ — гнется удочка дугой,
Кружится рыбка надъ водой —
Плескъ, серебро и трепетанье.....
О, въ этотъ мигъ, передъ тобой,
Что значуть Римъ и всѣ преданья,
Обломки славы міровой!

Но, чу! свистокъ раздался птичій,
Ночь шелеститъ во мглѣ кустовъ:
Спѣши, мой милый рыболовъ,
Домой, съ наловленной добычей!
Спѣши! — ужь божья благодать
На ложе сна дѣтей приѣмлетъ,
Твои малютки спятъ, — и дремлетъ
Ихъ убаюкавшая мать.
Уже въ румяномъ полусвѣтѣ,
Тамъ, въ сладкихъ грезахъ полусна,
Тебя ждетъ милая жена,
Иль трудъ въ сосѣдномъ кабинетѣ.

Трудъ благодатный! трудъ живой!
Часы, въ которые душой
Ты, чуя Бога, смѣло пишешь,
И на себѣ цѣпей не слышишь.
Люблю я стихъ широкій твой,
Насквозь пропахнувшій смолою
Тѣхъ самыхъ сосенъ, гдѣ весною,
Въ тѣни отъ солнца, межъ вѣтвей,
Ты подстерегъ лѣсную фею,
И гдѣ съ Каменою твоею
Шептался плещущій ручей.
Я самъ люблю твою Камену,
Подругу сѣверныхъ ночей:
Я помню, какъ неловко съ ней
Ты шелъ на шумную арену
Народныхъ браней и страстей;
Какъ ей самой не ловко было....
Но.... олимпійская жена,
Не внемля хохоту Зоила,
Тебѣ осталася вѣрна,
И вновь, въ объятія природы—
Въ поля, въ лѣса, туда, гдѣ воды
Струятся, гдѣ синѣетъ мгла
Изъ-подъ шатра дремучей ели,

Туда, гдѣ водятся форели,
Съ тобою весело ушла.

Прости, мой другъ! не знай желаній
Моей блуждающей души!
Довольно творческихъ страданій,
Чтобъ не заплѣснуться въ глуши.
Повѣрь, не нужно быть въ Парижѣ,
Чтобъ къ истинѣ быть сердцемъ ближе,
И для того, чтобъ созидать,
Не нужно въ Римѣ кочевать.
Слѣды прекраснаго художникъ
Повсюду видитъ и — творить,
И ейміамъ его горитъ
Вездѣ, гдѣ ставитъ онъ треножникъ,
И гдѣ Творецъ съ нимъ говоритъ.

Баденъ-Баденъ.

Августъ, 1857.

КОНЦЕРТЪ.

Н. П. Раажинъ

Здѣсь Берліозъ!... я видѣлъ самъ
Его жидовско-римскій профиль,
И думалъ: что-то скажетъ намъ
Сей музыкальный Мефистофель?
И вотъ, при свѣтѣ лампъ и свѣчъ,
При яромъ грохотѣ оркестра,
Я изъ-за дамскихъ вижу плечъ,
Какъ тѣшитъ публику маэстро.
Трубятъ рога, гремитъ тимпанъ,
Въ колоколà звонятъ надъ нами....
И надъ поющими струнами
Несется звуковъ ураганъ.
И адская слышна угроза....
И раздаются голоса....

И встали дыбомъ волоса
На головѣ у Берліоза.

Поютъ!... увы! не понялъ я,
Что значить хоръ сей погребальный?

И вдругъ — тебя увидѣлъ я,

Знакомка милая моя,

Тебя, мой критикъ музыкальный.

Къ колѣнамъ уронивъ цвѣты,

Къ полудню сорванныя нами,

Межъ двухъ колоннъ сидѣла ты

Блѣдна, съ померкшими очами.

Я угадалъ: страдала ты

Безъ мысли и безъ наслажденья,

Какъ отъ какой то духоты,

Иль въ ужасѣ отъ сновидѣнья.

И думалъ: скоро на балконъ

Мы выйдемъ.... звѣзды видѣть будемъ....

И эту музыку забудемъ

(Инструментальный громъ и звонъ) —

Забудемъ, какъ тяжелый сонъ.

Бадень - Бадень.

Іюль, 1858.

4.

НА БЕРЕГАХЪ ИТАЛІИ.

Я по красному щебню схожу одинъ
Къ морю сонному,
Словно тучками мглою далекихъ вершинъ
Окоймленному.

Ахъ! какъ млѣютъ, вдали замыкая заливъ,
Выси горныя!
Какъ рисуются здѣсь, уходя въ тѣнь оливъ,
Козы черныя....

Пастухи вдали, на свои жезлы,
Съ ихъ котомками,
Опершись, стоятъ на краю скалы —
Надъ обломками.

Тамъ, у взморья когда-то стоялъ чертогъ
Съ колоннадами,

И наяды плескались въ его порогъ
Подъ аркадами.

Тамъ недавно мнѣ снился роскошный сонъ....

Но — всегда ли я

Ради этихъ сновъ забывалъ твой стонъ,

О, Италия!

Вдохновляемый плачемъ твоимъ, я схожу

Къ морю сонному,

Словно тучками, мглою далекихъ вершинъ

Окоймленному.

Тамъ въ лазурномъ туманѣ толпой встаютъ

Тѣни блѣдныя.

То не тѣни встаютъ — по волнамъ плывутъ

Пушки мѣдныя.

Корабельный флагъ отдаленьемъ скрытъ,

Словно дымкою.

Тамъ судьба твоя съ фитилемъ стоитъ

Невидимкою....

КАРАВАНЪ.

(Отрывокъ изъ восточной повѣсти.)

I.

Какая ночь — не ночь, а рай!
Ночныя звѣзды искры мечуть.
Вставай, привратникъ, отвори
Ворота въ караванъ-сарай:
Въ горахъ бубенчики лепечуть.

II.

Луна свѣтла, какъ тронъ Аллы.
Какъ тѣни, длинные шагаютъ

Верблюды по краямъ скалы;
На нихъ ружейные стволы,
То пропадають, то мелькають.

III.

Вдали развалина стоитъ,
Въ туманъ серебряный повита.
Внизу клокочеть и бѣжитъ
Ручей по склону черныхъ плитъ,
По дну ручья стучать копыта.

IV.

То ѣдетъ самъ Тамуръ-Гассанъ
Въ тѣни дремучаго оврага.
И вотъ, къ лукъ нагнувъ свой станъ,
Онъ въ гору скачетъ, какъ шайтанъ.
Куда герой? куда бродяга?

V.

Поводья брошены, — висять;
Ружье въ чухлѣ; подобно звѣньямъ
Стальнымъ, бренчитъ его булатъ;
Порывистъ конь, стуча скользять
Его копыта по каменьямъ.

VI.

Суровый всадникъ гордъ и смѣль.
Откуда и куда онъ скачетъ?
Что онъ, какъ ханъ разбогатѣль?
Или нажитья не успѣль—
И жизнь по-прежнему маячить?

VII.

Вставай, привратникъ, отвори
Ворота въ караванъ-сарай!
Готовъ почлегъ для каравана,
И въ гости жди, и угощай
Разбойника Тамуръ-Гассана!

VIII.

Далеко слухъ идетъ о немъ:
Тамуръ-Гассану ни по-чемъ
Отбить быковъ, связать чобана.
Рука, съ нацѣленнымъ ружьемъ,
Дрожитъ при имени Гассана.

IX.

Онъ можетъ пулей въ-лѣтъ пронзить
Орла; клыкастому кабану

Свиную морду раскроить,
Влетѣть въ табунъ, коня скрутить
И покорить его аркану.

X.

Широкъ руки его размахъ.....
Какъ левъ, взмахнувъ косматой гривой,
Храпитъ, и съ пѣной на губахъ,
Напрасно въ двадцати шагахъ
Изъ петли рвется конь ретивый —

XI.

Какъ-разъ могучая рука
Смирить порывъ его свободный,
И будетъ гнать его, пока
Слѣда копытъ его рѣка
Не захлестнетъ волной холодной.

XII.

На чѣртъ — а не на конѣ —
Гассанъ вездѣ поспѣлъ; въ огнѣ
Онъ не горитъ, въ водѣ не тонетъ;
Задумаетъ о табунѣ —
Табунъ его — какъ-разъ угонить.

XIII.

Онъ подползеть къ нему, какъ змѣй,
Въ дыму вечерняго тумана,
Съ двумя изъ опытныхъ друзей,
Онъ выстрѣломъ спугнетъ коней,
Пасущихся среди бурьяна—

XIV.

Впередъ помчится и свиститъ—
И вотъ, гонимый съ-лѣва, съ-права,
Табунъ шарахнувшись летитъ,
Летитъ, какъ буря— степь дрожитъ....
Пропаль табунъ— Гассану слава.

XV.

Молва недаромъ бережетъ
Его отъ пули и булата:
Онъ въ двухъ имперіяхъ живетъ
И съ каждой въ дань себѣ беретъ
Коней, оружіе и злато.

XVI.

Всѣмъ жутко отъ его проказъ
Отъ Каменки до Арарата;

И самъ слыхалъ я, какъ не разъ
Давали казакамъ наказъ:
«Словить его, связать, ребята!»

XVII.

Хотя конечно вѣсть о немъ
Не доходила до Султана;
Но.... дорого была, въ одномъ
Аулѣ, мстительнымъ кунцомъ,
Оцѣнена башка Гассана.....

XVIII.

Давно завидя караванъ,
Его догналъ Тамуръ-Гассанъ,
И въ-слѣдъ за нимъ поѣхалъ шагомъ,
И долго онъ пугалъ Армянъ,
Пока не скрылся за оврагомъ.

XIX.

Идетъ верблюдовъ длинный рядъ,
Раздулись ноздри ихъ, глотають
Окрестныхъ рощей ароматъ;
На ихъ горбахъ ковры висятъ,
Шесты торчатъ, стволы мелькають.

XX.

Весь караванъ вооруженъ;
Разбой онъ выстрѣлами встрѣтитъ.
А гдѣ-жь Гассанъ?!—Эге! ужь онъ
На той горѣ, гдѣ разложенъ
Костеръ, какъ жертвенникъ, и свѣтитъ.

XXI.

Гассанъ узналъ родимый край....
Онъ шепчетъ тексты изъ корана.
Вставай, хозяинъ, отворяй
Ворота въ караванъ-сарай!
Меджидъ, встрѣчай Тамуръ - Гассана!

XXII.

Меджидъ выходитъ изъ воротъ;
Не суетится, не хлопочетъ;
Онъ гостя въ-тайнѣ узнаетъ,
И руку на-сердцѣ кладетъ,
И, опустивъ глаза, бармочетъ:

XXIII.

«Аласъ-Алла! слѣзай съ коня:
«Его сведемъ мы къ водопою,

«Ему насыплемъ ячменя;
«А ты, у мирнаго огня,
«Свою главу склони къ покою.

XXIV.

«Костеръ мой сердце веселить;
«Моя старуха пловъ сварить....»
Гассанъ ему въ отвѣтъ: — Попоной
Накрой коня, возьми! Я сытъ....
И сѣлъ на буркѣ запылёной —

XXV.

Сѣлъ и ослабилъ поясъ свой,
И рукава назадъ откинулъ,
И сталъ вертѣть передъ собой
Кинжалъ съ насѣчкой золотой—
Потомъ въ ножны его задвинулъ.

XXVI.

Не такъ-ли иногда вертить
Ребенокъ куклой расписною:
Ее заботливо хранить,
Тихонько съ нею говорить,
И даже спать класть съ собою.

XXVII.

Тамуръ нерѣдко былъ душой
Далекъ отъ подвиговъ злодѣйскихъ.
Но тамъ, гдѣ дряблъ законъ нѣмой,
Тамъ, гдѣ народъ привыкъ разбой
Считать не хуже дѣлъ судейскихъ, —

XXVIII.

Тамъ, часто, местію горя,
Вдругъ, изъ ребенка-дикаря,
Наѣздникъ грозный вырастаетъ, —
И что же? — пѣснь сазандаря
Его отвагу прославляетъ!

XXIX.

И онъ вездѣ найдетъ друзей,
Подъ кровомъ cadaго аула,
И не боится онъ цѣпей....
Всѣ берегутъ его: злодѣи
Нигдѣ не спитъ безъ караула.

XXX.

Въ народѣ знаютъ, что Гассанъ
Хоть и въ горахъ живетъ скитальцемъ,

Самъ-по-себѣ такой-же ханъ,
Возьметъ червонцы у Армянъ,
Но бѣдняка не тронетъ пальцемъ;

XXXI.

Дастъ богомольцу золотой,
И съ Богомъ въ путь его проводитъ.
И вотъ, въ умахъ толпы слѣпой
Онъ — то разбойникъ, — то святой, —
То духъ, который всюду бродитъ.

XXXII.

Молчанье робкое храня,
Меджидъ по сумрачной площадкѣ
Повель гассанова коня,
И конь, уздечкою звеня,
Плодилъ въ умѣ его догадки.

XXXIII.

— Узналь-ли ты меня? спросилъ
Его Гассанъ, скрестивши руки.
И ликъ его спокоенъ былъ,
И тихъ былъ голосъ, но тайлъ
Въ себѣ магическіе звуки.

СОВЕТЫ —

КЕПО

Центральная

XXXIV.

И блѣдень сталъ Меджидъ сѣдой.

«Ты гость мой: за тебя я душу

Готовъ отдать, клянусь Аллой!»

Шепталъ Меджидъ: «Измѣной злой

Гостепріимства не нарушу!»

XXXV.

«Тебя не выдамъ никому:

Глухъ буду — нѣмъ..... клянусь Пророкомъ!

Довѣрься слову моему!»

И сталъ Гассанъ смотрѣть ему

Въ глаза спокойно-зоркимъ окомъ.

XXXVI.

И молвилъ: — Вспомни! прошлый годъ

Тебя едва я не повѣсилъ....

Но, слушай — караванъ идетъ.....

Мнѣ въ эту ночь его даетъ

Судьба — онъ мой! молчи, будь весель!...

XXXVII.

Луна по прежнему была

Свѣтла, какъ лампа, и лила

Свой свѣтъ на каменные груды —
И ночь была, какъ день, свѣтла —
И шли — все ближе шли верблюды....

4/ X

П Ъ С Н Я .

Посв. Н. В. Гербелю.

Выйду — за оградой
Подышать прохладой.
Горе ночи просить,
Горе сны уносить....
Только сердце бредить:
Будто милый ъдетъ,
ъдетъ съ позвонками
По степи широкой....
Гдѣ ты, другъ мой милый!
Другъ ~~ты~~ мой *далекій* *жизни?*

Ночь свѣжѣе дышетъ —

~~Вѣрбою~~ ~~колышетъ,~~ *W*

Дрожью пробираетъ.

Соловей рыдаетъ. *W*

Высыхайте слезы!

Улетайте грезы!

Дальній звонъ пронесся

За рѣкой широкой....

Гдѣ ты, другъ мой милый,

Другъ ты мой далекій?

Зорька выплываетъ —

Заревомъ играетъ.

Я черезъ куртину

Проберусь въ долину....

Я лицо умою

Водой ключевою....

Вонъ и домикъ видѣнъ

На горѣ высокой....

Гдѣ ты, другъ мой милый,

Другъ ты мой далекій?

4

НА КОРАБЛѢ.

Стихаетъ. Ночь темна. Свисти, чтобъ мы не спали!... ?

(Еще вчерашняя гроза не унялась:

Тѣ-жь волны бурныя, что съ вечера плескали,

Не закачавъ, еще качаютъ насъ.

Въ безлунномъ мракѣ мы дорогу потеряли,

Разбитымъ фонаремъ не освѣщенъ компасъ.

Неси огня! звони, свисти, чтобъ мы не спали! — ?

(Еще вчерашняя гроза не унялась....

Нашъ флагъ порывисто и безпокойно вѣетъ;

Нашъ капитанъ въ потьмахъ стоитъ, раздумья полнъ....

Зоря!... друзья, зоря! Смотрите, какъ ясиѣтъ —

И капитанъ, и мы, и гребни черныхъ волнъ.

Кто болѣнъ, кто усталъ, кто бодръ еще, кто плачетъ,

Что бурей сломано, разбито, снесено —

Все ясно: Божій день, вставая, зла не прячетъ....

Но — не погибли мы!... и много спасено....

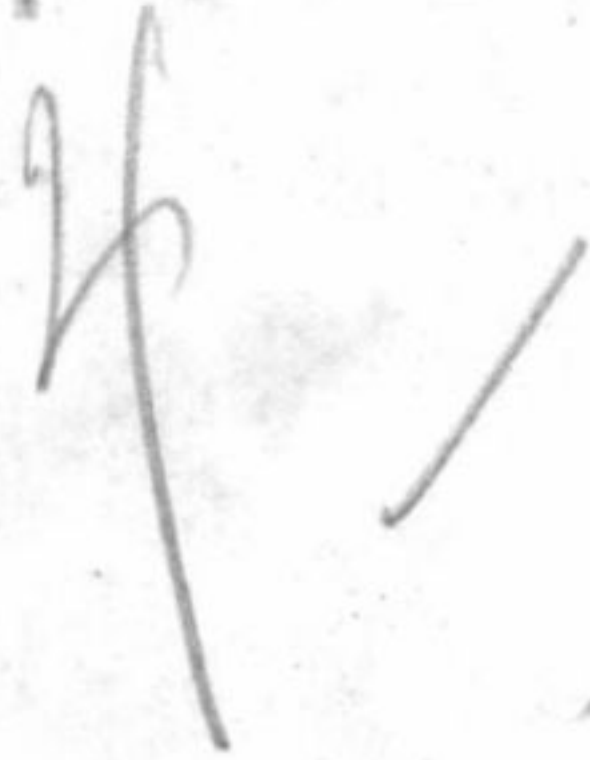
Мы мачты укрѣшимъ, мы паруса подтянемъ,

Мы нашимъ топотомъ встревожимъ праздныхъ лѣнь —

И дальше въ путь пойдёмъ, и дружно пѣсню грянемъ....

Господь, благослови грядущій день!

1856.

ПЕРЕДЪ ЗАКРЫТОЙ ИСТИНОЙ.

(Посв. Мих. Лар. Михайлову.)

I

Когда-то въ Мемфисѣ стоялъ Изиды храмъ,
Всей кастой царственной, учеными жрецами
Благоговѣнно чтимый. Тамъ
Въ глубокой нишѣ, за гранитными столбами,
Покрытыми до потолка
Тайственныхъ письменъ узорными чертами,
Стоялъ кумирь, несчетные вѣка
Переживающій, — въ народахъ знаменитый,

Богъ-вѣсть когда и кѣмъ со всѣхъ сторонъ покрытый
Какимъ-то допотопнымъ полотномъ.

Кумиръ тотъ *истиной закрытой* именуя,

И только избраннымъ толкуя

Значенье символовъ, начертанныхъ кругомъ,

Жрецы ей жертвы жгли съ особымъ торжествомъ.

II

Къ ея подножью шли, не только царь-избранникъ,

Не только истый жрецъ, но и безвѣстный странникъ,

И воинъ, и купецъ, и сумрачный изгнанникъ,

(Изъ вавилонскихъ стѣнъ бѣгущій отъ цѣпей,

Иль изъ Аѳинъ отъ славы слишкомъ громкой)

И просто ученикъ, изъ за чужихъ морей

Принесшій лавра вѣтвь съ дорожною котомкой.

Но видѣть вѣчную никто изъ нихъ не могъ....

Хотя, на пьедесталъ съ чела до самыхъ ногъ

Спускаясь въ тысячи неуловимыхъ складокъ,

Казалось, не тяжелъ былъ дѣвственный покровъ,

Скрывающій разгадку всѣхъ загадокъ,

Задачу всѣхъ задачъ, и тайну всѣхъ вѣковъ,

Никто не смѣлъ поднять и края покрывала....

Нѣмая истина заклятіемъ боговъ

Какимъ-то ужасомъ холоднымъ обдавала
Умы запальчивыхъ головъ.

III

Быль полдень. Тихій Нилъ, среди своихъ песковъ,
Роскошно нѣжился. Тяжелыя вѣтрила,

Сплетенныя изъ тонкихъ тростниковъ,
Бродили медленно; — за ними крокодила
Зубчатая спина, сверкая, бороздила
Поверхность сонныхъ струй. Вершины пирамидъ
Синѣлись въ воздухѣ — и солнце жгло гранить.

Отъ обелисковъ стала тѣнь короче;
Народъ по улицамъ сноваль какъ рой тѣней;
На Нилъ, и на толпу, и на дворцы царей

Глядѣли сфинксовъ каменные очи....
И тайной вѣяло отъ царственныхъ могилъ.
Изиды темный храмъ отворенъ настежь былъ.
Въ тѣни его столбовъ широкихъ на ступеняхъ
Сидѣлъ маститый жрецъ, и на его колѣняхъ
Лежалъ развернутый папирусъ: онъ читалъ —
~~Онъ~~ неподвижностью своей напоминалъ

Боговъ сидящихъ изваянья —
И на его лицѣ была печать молчанья.

IV

Быль нѣмъ и пусть открытый настѣжь храмъ.
Какъ вдругъ — шаги: по лѣстничнымъ плитамъ
Идутъ въ тѣни столбовъ и — спорять.... «Это Греки!»
Подумалъ старый жрецъ, приподнимая вѣки

Къ своимъ насупленнымъ бровямъ.

И двое юношей, два чужеземца съ виду,
Руками голыми широкую хламиду

Придерживая на груди,

Спросили у жреца: войти-ли въ храмъ?

«Войдите!»

— Не здѣсь-ли истина? —

«Ступайте и смотрите.»

— Наставникъ! вымолвилъ одинъ: — не осуди

Вопроса моего, и не лиши отвѣта:

Что будетъ, если я безъ страха подойду

Къ закрытой истинѣ? и если я найду

Довольно смѣлости?....

«Нѣтъ!» возразилъ на это

Сопутникъ юноши, тревожный и худой,

Его плеча слегка дотронувшись рукой:

«Себѣ не слишкомъ вѣрь, и знай — рука поэта

Лишь сердцу повинуется; — а ты

Поэтъ, и знаешь самъ, какъ робко сердце бьется...

Минерва строгая надъ чувствами смѣется.

Безсмертной истины холодныя черты

Лишь одному философу доступны:

Одно стремленье къ ней въ насъ съ нами рождено....

Учитель! развѣ мы, ища ее, преступны?

И развѣ намъ искать ея запрещено?

Казнить ли насъ за то, что истины мы просимъ,

Что жажду чувствуя мы жажды не выносимъ.

Нѣтъ, что ни говори; а нами мудрено

Распоряжаются завистливые боги!»

V

И отвѣчалъ имъ жрецъ: «Боговъ законы строги:

Не оскорбляйте ихъ!...»

— Но мы оскорблены:

Намъ вмѣсто истины даютъ пустые сны,

Которые сбиваютъ насъ съ дороги....

Л. П. Волжск.

Такъ смѣю думать я, такъ смѣю говорить! —

На раздраженнаго бросая взглядъ сердитый —

«Ты огорченъ», сказалъ старикъ маститый:

«Не тѣмъ ли что въ сосудъ не можешь моря влить?»

Ты невозможность называешь горемъ;

Разбейся въ атомы — и ты сольешься съ моремъ

И будешь утоленъ, иль новый примешь видъ,

Чтобъ жаждать вновь, пока вновь будешь не разбитъ.»

— Ты говоришь хитро, и мы съ тобой не споримъ:

Мы школьники — а ты не даромъ стражъ боговъ.

Скажи мнѣ, стражъ боговъ, — ужели не достало

Ни въ комъ той смѣлости, чтобъ съ истины покровъ

Поднять или сорвать, не тратя лишнихъ словъ? »

VI

Жреца Изиды поражала

Надменность пришлеца; казалось онъ привсталъ,

Чтобъ отвѣчать ему — и мрачно отвѣчалъ:

«Да, былъ одинъ смѣльчакъ — святое покрывало

Онъ дерзко приподнялъ, но ахнулъ и упалъ:

Очнувшись, никого изъ насъ онъ не узналъ,

И всё, что бредилъ онъ, такъ ново, и такъ дико
Казалось намъ, что понимать его,
Безумца, не нашлось въ толпѣ ни одного.
Не забывайте же, какъ страшно и велико
То что отъ нашихъ глазъ Изидою сокрыто!»
И оба странника, замѣтно поблѣднѣвъ,
Спустили съ плечъ свои хламиды,
И съ тайнымъ трепетомъ вступили въ храмъ Изиды;
А жрецъ прочелъ имъ вслѣдъ молитву на распѣвъ,
Потомъ задумался — и долго, до заката,
Сидѣлъ, какъ бы рѣшась дожидаться ихъ возврата.

VII

День вечерѣль. Вершины пирамидъ
Своими верхними ступенями сіяли;
Дворцовыхъ лѣстницъ простывалъ гранитъ;
Межъ дальнихъ отмелей кой гдѣ едва мелькали
Повисшіе надъ Ниломъ паруса.
Слетались ибисы на гнѣзда. Тѣнь ложилась,
Какъ будто для того, чтобъ ярче золотилась
Зоря — и пурпуромъ сквозили небеса.
На роскошь приближающейся ночи
Глядѣли сфинксовъ каменные очи,

И тайной вѣяло отъ царственныхъ могиль.

Изиды храмъ еще отворенъ былъ....

И тотъ же строгій жрецъ при входѣ на ступеняхъ

Сидѣлъ, какъ статуя, со свиткомъ на колѣняхъ.

VIII

Онъ ждалъ — и наконецъ изъ храма вышелъ тотъ,

Кого товарищъ называлъ поэтомъ.

Ему въ лице закатъ сіялъ горячимъ свѣтомъ;

Онъ шелъ торжественно; съ чела струился потъ,

И кудри черныя надъ нимъ вѣнцомъ качались;

Полураскрытыми уста его казались,

Какъ-будто въ первый разъ онъ взоромъ обнималъ

Пространство — и ему въ пространствѣ улыбались

А небо и рѣка и камни....

«Что?» сказалъ

Имъ пораженный жрецъ.

— Непостижимо! —

Сказалъ восторженно поэтъ, шагая мимо:

Она — гармонія — свѣтъ — сила — красота!

Все сердцемъ понято — не имутъ словъ уста ...

И не докончилъ онъ.... И по ступенямъ храма
Сходилъ, какъ полубогъ, какъ свѣтлый Аполловъ,
Когда онъ шествуетъ, стряхнувши горній сонъ,
Вкушать молебный дымъ земнаго фимиама.

IX

Но не успѣлъ онъ скрыться за толпой,
Какъ по слѣдамъ его, изъ за столба, другой
Явился, блѣдный, сумрачно-унылый;

Казалось, попирая прахъ,

Онъ шель съ презрительной улыбкой на устахъ.

Лицо его дышало мертвой силой;

Зловѣщимъ пламенемъ въ очахъ его сіялъ

Вечерній свѣтъ лучей прощальныхъ.

И голосъ тяжело, отрывисто звучалъ,

Какъ будто умъ его томясь перегоралъ

Въ хаосѣ думъ нестройныхъ и печальныхъ.

Онъ говорилъ: «Ну да! я сознаю, что нѣтъ

Во мнѣ той смѣлости, чтобъ разомъ

Нагую истину явить на божій свѣтъ;

Но мнѣ не даромъ данъ несокрушимый разумъ:

Подъ вашей тайною скрывается — скелеть,

Уничтоженія всего символъ нетлѣнный....

Пустая вѣшалка — подставка всей вселенной...
Чтобъ этотъ гордый міръ не рухнулъ, стражъ боговъ,
Ты правъ, что истину поставилъ подъ покровъ!»

И съ этимъ словомъ онъ ушелъ, потушивъ очи.

Маститый жрецъ одинъ сидѣлъ до поздней ночи:
Онъ долго наблюдалъ движеніе свѣтилъ,
Потомъ глаза закрылъ въ глубокомъ размышленьи,
И медленно, какъ бы въ пророческомъ томленьи,
Бесѣдуя съ двумя духами, говорилъ,
— Духъ творчества! и ты духъ темный разрушенья!
Одно стремленье васъ когда нибудь сроднить....
Враждуйте — потому, что истина молчитъ!
Когда же съ смертными она заговоритъ,
Міръ вашу старую вражду, какъ сонъ, забудетъ...
Но, боги! — что тогда? ужель тогда не будетъ
Ни храма этого, ни этихъ пирамидъ?...

Н. П. Далматовъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
«Мое сердце — родникъ, моя пѣсня — волна» .	1.
«На устахъ ея улыбка»	2.
На Черномъ морѣ	3.
«Вижу ль я, какъ во храмѣ смиренно она» . .	9.
«Царство науки не знаетъ предѣла»	11.
Звѣзды	13.
Агарь	15.
Передъ отъѣздомъ	19.
И. С. А.	21.
Внутренній голосъ	24.
Сны	26.
На пути изъ гостей	30.
Соловьиная любовь	35.
На кладбищѣ	38.
Ночь въ Крыму	41.
Молитва	43.
Гапсаль 1852	45.
«Недавно ты изъ мрака вышелъ»	47.
«Вчера священники служили въ ризахъ черныхъ»	48.
Наяды (Фантазія)	50.
Туманъ	54.
«Тѣнь ангела прошла съ величіемъ царицы» .	56.
«Корабль пошелъ на встрѣчу темной ночи» .	58.
Утрата	59.

	Стр.
Иногда	61.
Холодѣющая ночь	63.
Въ Альбомѣ	68.
Хандра	69.
А. Н. Майкову	71.
Концертъ	77.
На берегахъ Итали	79.
Караванъ	81.
Шѣсня	93.
На кораблѣ	95.
Передъ закрытой истиной	97.

Хоть онъ и мастеръ прогужонскій
 Намъ носъ и пѣтъ и говоритъ,
 Но все же предъ Надеждою По
 Книжкой не болше. ^{лонскій} румя?

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Стих.	Напечатано:	Читай:
48	— 4	МОЛИТЬ	МОЛИТВѢ
73	— 6	о ни чѣмъ	о ничѣмъ <i>ни о чѣмъ.</i>
77	— 10	Въ колокола звонять надъ нами....	Въ колокола звонять.... надъ нами,

*О подѣтъ, кто
 Забудъ перо,
 Полюскій, кузнецъ
 Но ты, кузнецъ, знай чѣмъ не безъ
 Исходить шаранъ на книжонку*

Вста...

КУЗНЕЧЕКЪ - МУЗЫКАНТЪ.

М. П. Соловьев

КУЗНЕЧЕКЪ-МУЗЫКАНТЪ.

ШУТКА ВЪ ВИДѢ ПОЭМЫ.

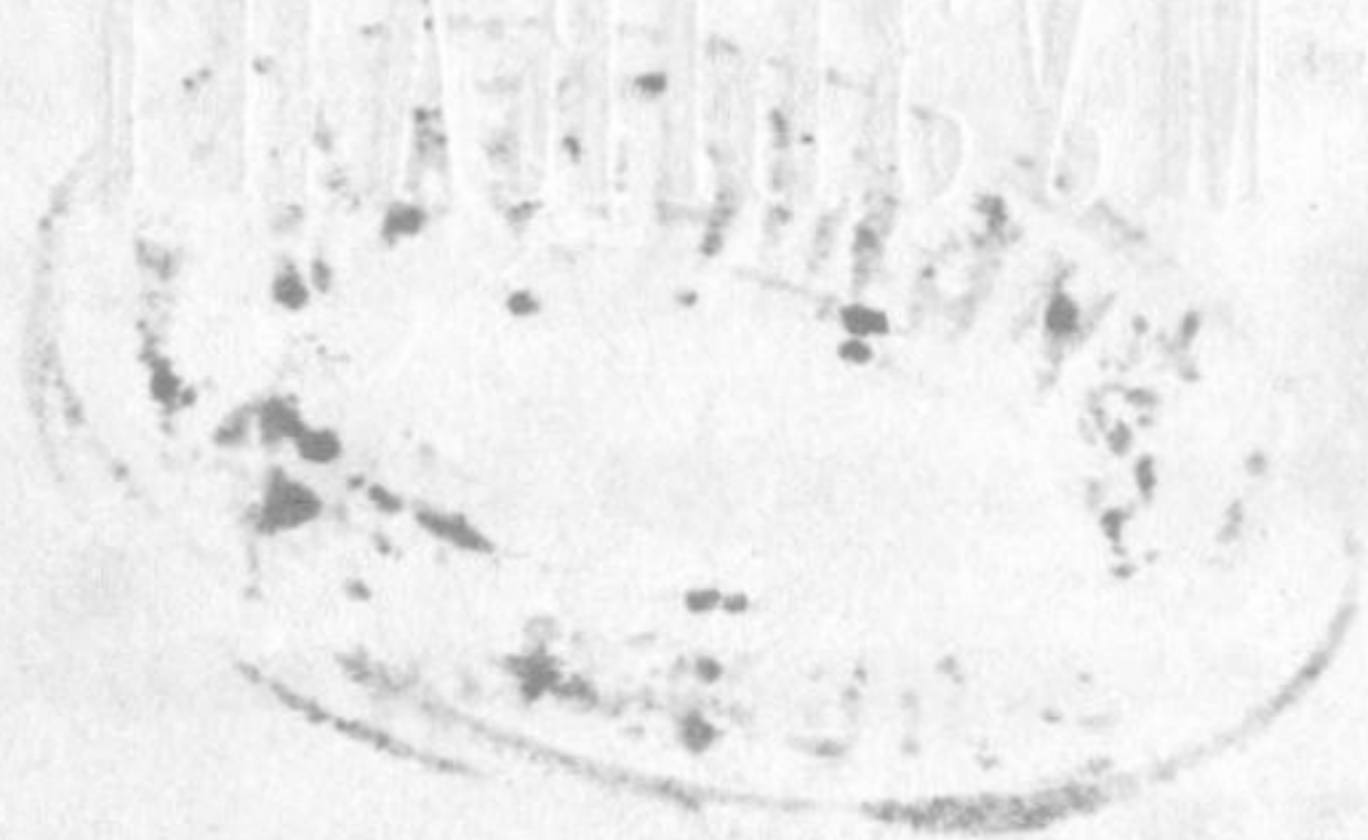
Я. ПОЛОНСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМП., ВЪ ТОРГОВОЙ, 17.

1859. ✓

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, было представлено въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 30 Марта 1859 года.

Ценсоръ *С. Палаузовъ.*

П Ъ С Н Ъ . I.

Ю. П. Доложнев

Не сверчка нахала, что скрипитъ у печекъ,
Я пою: герой мой — полевой кузнечекъ!
Росту небольшого, но продолговатый;
На спинѣ носилъ онъ фракъ зеленоватый;
Тонконогій, тощій и ширѣколобый....
Былъ онъ сущій геній — даръ имѣлъ особый:
Музыкантомъ слылъ онъ между насѣкомыхъ,
И концерты слушать приглашалъ знакомыхъ.
Подъ роскошной жатвой жилъ онъ въ полѣ чистомъ,
Оглашая воздухъ безконечнымъ свистомъ
Своего оркестра. Вѣтряное племя
Скакуновъ забыло, что въ поляхъ, въ то время,
Музыки и вкуса былъ онъ представитель.
Всё, что нынче лѣтомъ деревенскій житель

Слышитъ за окошкомъ, лежа на кроватѣ,
Или на балконъ свой выходя въ халатѣ, —
Этотъ свистъ трескучій, этотъ звонъ безбрежный,
Разлитой повсюду, и сухой, и нѣжный.

Если только въ этомъ сумрачномъ концертѣ
Есть живая нѣга и восторгъ, повѣрьте —
Это всё былыя, вѣчныя созданья
Моего героя, или — подражанья.

Бѣдненькій кузнечекъ! позабытъ твой геній!
Но ты вѣкъ свой прожилъ не безъ приключеній.
Помню, ты недаромъ слылъ идеалистомъ:
Сядешь ты, бывало, въ свѣтѣ серебристомъ
Мѣсяца, подъ пологъ ночи, на соломкѣ
Вѣтромъ сокрушенной. (Даромъ что не ломки
Гибкіе колосья, всё же въ нивѣ шаткой
Много ихъ подломить этотъ вѣтеръ гадкій.)
Сядешь ты, бывало, и во славу ночи
На своей скрипицѣ пилишь что есть мочи.
И тебя дразнили пискуны пустые,
Комары-злодѣи трубачи степные,
И въ тебя влюблялись божіи коровки,
И мутила зависть многія головки,
Съ тѣмъ-же музыкальнымъ то-есть направленьемъ,
Съ тою-же охотой, да не съ тѣмъ умѣньемъ.
И грозилась мошка съ помощью науки

Умертвить тобою созданные звуки,
И тяжеловѣсный жукъ неоднократно
Увѣрялъ, что уши смачивать пріятно
На твоихъ концертахъ, а не то де уши,
Какъ трава, завянуть отъ ужасной суши.

Въ частной жизни также къ добренькимъ коровкамъ,
Къ мушкамъ и козявкамъ часто въ пренеловкомъ
Быль ты положеньи: слушалъ ихъ признанья,
Робко избѣгая тайнаго свиданья.

Но ни что однако жъ нѣ поколебало
Твоего покоя; ни какое жало
Твоему таланту не казалось вреднымъ:

Въ музыкальномъ мірѣ былъ ты всепобѣднымъ.
Ты вполнѣ блаженъ былъ! — но пришла невзгода....

Слушайте, однажды въ половинѣ года,
Въ самый жаръ, быть можетъ, въ самые Петровки,
Въ дни, когда на рынкахъ потныя торговки

Продаютъ малину, вишенья, клубнику

И, маша платками, часто не безъ крику,

Съ мухами заводятъ изъ за ягодъ ссоры;

Въ дни, когда изъ праха созидають горы

Муравьи, и роютъ скрытые тунели

Подъ корнями дуба иль смолистой ели;

Бабочка, танцуя, празднуетъ свободу;

А пчела, съ клубочкомъ золотого меду,

Покидая липу, вся въ пыли цвѣточной,
Такъ и льнетъ къ жасмину бѣлизны молочной;
Шмель, бичуя воздухъ, знойный и душистый,
И кружась надъ моремъ нивы золотистой,
Пропадаетъ въ блескъ солнца, какъ пылинка;
Въ дни, когда для мошки каждая былинка
Получаетъ соки, сладость и значенье,
И она вкушаетъ тѣ же наслажденья —
Стало быть въ Петровки, около полудня,
Мой герой, кузнечекъ, понаѣвши студня,
То-есть за обѣдомъ начинивъ желудокъ,
Вышелъ насладиться видомъ незабудокъ.
И, вдыхая запахъ алаго горошка,
Легъ, прищуря глазки — и мечталъ немножко.
Много пролетало мимо насѣкомыхъ,
Ось, шмелей сердитыхъ — трубачей знакомыхъ,
Съ разными вѣстями. Ни къ кому съ вопросомъ
Онъ не обратился. Все, что передъ носомъ
У него вертѣлось, ползало, жужжало
Было чуждо сердцу — и не занимало....
Моему герою вѣрно бы вздремнулось,
Какъ и вамъ, читатель, если бѣ не взгрустнулось.
Вдругъ надъ нимъ порхнуло чудное видѣнье,
Бабочка — такая, что — мое почтенье!
Бѣлизны жемчужной крылышки съ каёмкой,
Глазки — изумруды, носикъ нѣжный, тонкій,

Бархатецъ на шейкѣ, бантикъ на затылкѣ.

Увидалъ кузнечекъ — затряслись въ немъ жилки.

Бабочка всё ниже и такъ близко вьется,

Что невольно сердце у артиста бьется.

Бабочка — не знаю, видѣла-ль бѣдняжку

Или не видала — только кушать кашку

Сѣла — и конечно ничего не сѣла.

«Ахъ!» она сказала: «если бъ я умѣла

Такъ же пѣть отлично, какъ одинъ извѣстный

Всѣмъ артистъ-кузнечекъ! — Если бы небесный

Голось я имѣла, — какъ бы я запѣла!

О, какъ я бездарна! о, какъ я....»

— Напрасно....

Перебилъ кузнечекъ.... (Онъ влюбился страстно

Въ милую болтуню).

Бабочка украдкой

На него взглянула:

«Ахъ, какой онъ гадкѣй!»

Думаетъ.... Однако жъ улыбулась мило,

Подняла свой носикъ и проговорила:

«Отъ чего жъ напрасно!?»

— Отъ чего? —

Смѣшался

Мой артистъ, однако рекомендовался.

«Очень, очень рада!» — молвила кокетка
(Бабочки бываютъ безъ кокетства рѣдко):
«Очень рада! очень! Звуки вашей скрипки
Часто долетаютъ даже къ намъ подъ Липки.»
Покраснѣлъ кузнечекъ, началъ завираться,
Умоляя гостью чаще съ нимъ видаться.
Бабочка вспорхнула и, не давши слова
Прилетѣть вторично, прилетѣла снова
И заговорила:

«Даже въ свѣтѣ знаютъ,
Что большой вы геній, — всѣ васъ изучаютъ....
Только я къ вамъ съ просьбой: сдѣлайте такую
Божескую милость — напишите злую,
Злую эпиграмму на мою сосѣдку,
Бабочку кокетку, что недавно въ сѣтку
Къ мальчикамъ попалась и съ крыломъ помятымъ
Ночью воротилась къ братцамъ глуповатымъ.
Эти братцы также пребольшіе фаты, —
И воображаютъ, что они богаты!
Къ эпиграммѣ можно сочинить любую
Музыку — такую, самую смѣшную».

Упорхнула гостья, — а кузнечекъ бѣдный
Такъ былъ озадаченъ, что нѣмой и блѣдный
Шелъ онъ, глядя въ землю (такъ, видалъ я, въ воду

Сунувшись мальчишки, ищутъ въ рѣчкѣ броду),
Шель, повѣся носъ свой, чуть переступая
Длинными ногами и соображая:
Тьфу! Да какъ же это? — развѣ эпиграммы
Можно класть на ноты? Ахъ, какъ глупы дамы!
Шель онъ шель, и бредиль: то ему казалось,
Что она хитрила и надъ нимъ смѣялась,
То воображалъ онъ, что Сильфида эта
Захотѣла только испытать поэта
И ему такую задала задачу,
Что хоть плачь! Однако жь, что жь я время трачу!
Думаетъ Кузнечекъ: развѣ не съумѣю
Я въ смѣшномъ и жалкомъ отразить идею.
И съ такимъ рѣшеньемъ за работу смѣло
Принялся онъ: мигомъ закипѣло дѣло —
И слова и звуки. — Хотъ и не бывалъ онъ
Въ обществѣ Жоржъ-Занда — вотъ что написалъ онъ:
«Къ мальчику подъ сѣтку бабочка попалась —
«Краски полиняли, крылышко помялось.
«Если врагъ лукавый раставляетъ сѣти,
«Кто въ нихъ попадаетъ? — попадаютъ дѣти.
«Боже! отъ чего же за поступокъ дѣтскій
«Ихъ казнить такъ страшно судъ великосвѣтскій?»
Кончено! —

И началъ сочинять онъ ноты;

И усталъ онъ бѣдный отъ такой работы.
Но любовь всеильна! Оставалось скликать
Прочихъ музыкантовъ — и начать пилкать.
И народу куча собралась на пробу;
Даже жукъ навозный, начинивъ утробу
Всякой дрянью, смуглый, толстый и рогатый,
Уши отъ простуды затыкая ватой,
За толпой туда же пробрался сторонкой, —
Ничего не понялъ, но замѣтилъ тонкій
Хвостъ у музыканта, и бочкомъ поплелся
Разсказать сосѣдямъ, что-де онъ сошелся
Съ молодымъ маэстро, что-де онъ не врачень,
Что его фигурой былъ онъ озадаченъ....
Черная казавка, та, что бьетъ баклуши
И весь день вертится, наострила уши;
Божія коровка всѣхъ перепугала:
Отъ восторга ныла — ныла и упала
Въ обморокъ.... Спасибо, муравей, съ шнуровкой
Подъ жилетомъ, — малый очень очень ловкой,
Даль ей спиртъ понюхать въ маленькомъ флаконѣ.
Онъ встрѣчалъ коровку у Н. Н. въ салонѣ,
Гдѣ онъ появлялся, насурмивши бровки,
И, быть можетъ, радъ былъ услужить коровкѣ.
Много было шуму: музыку хвалили,
Музыку бранили, спорили, судили. —
Бабочки ночныя, въ сѣренькихъ бурнусахъ,

Въ бѣлыхъ пелеринкахъ и въ гранатныхъ бусахъ,
Просто поблѣднѣли отъ негодованья,
Раскусивши новой пѣсни содержанье.

Но въ тотъ день герой мой такъ ужь былъ разсѣянъ,
Что и не замѣтилъ, кѣмъ онъ былъ осмѣянъ.

П Ъ С Н Ъ III.

Эось поднимала алыми перстами
Темные покровы ночи — и мѣстами
Въ небѣ загорались огненные пятна.
Жизнь, полупроснувшись, слабо и невнятно
Бормотала въ роцѣ, бормотала въ полѣ.
Поцѣлуй сливался съ ропотомъ неволи
Всюду, гдѣ лишь только брачныя оковы
Гименея были ржавы и не новы.
Поцѣлуй былъ звонче, ропоть былъ нѣжнѣе —
Тамъ, гдѣ эти цѣпи были поновѣе.
Лишь одинъ, герой мой, этой сладкой муки
Не вкушалъ и вѣрно умеръ бы со скуки....
Рано онъ проснулся — но не до зѣвоты

Было музыканту: нужно было ноты
На листочкахъ розы написать, какъ можно
Лучше, тоньше, чище. — Тихо, осторожно
Перышкомъ водилъ онъ.... Сочинилъ виньетку,
Гдѣ изобразилъ онъ миртовую вѣтку —
Миртовую вѣтку, а надъ ней съ крылами
Огненное сердце, съ надписью стихами:
«Я неуловима; но не унывайте!
«Обожгитесь прежде, а потомъ поймайте!»
Даровитый малый былъ артистъ мой — мило
Сочинилъ онъ эти два стиха; въ нихъ было
Столько такта, столько нѣжности игривой,
Что въ нашъ вѣкъ холодный и самолюбивый
Ни одинъ кузнечекъ не найдетъ въ нихъ смысла
И быть можетъ даже улыбнется кисло.
Для кого жь на этихъ розовыхъ листочкахъ
Мой герой всю душу въ линияхъ и точкахъ
Выражаетъ сердцемъ, страстно пламенѣя? —
Для тебя Сильфида, праздничная фея,
Цвѣтниковъ роскошныхъ милая жилища!
Но откликнись, гдѣ ты? гдѣ твоя свѣтлица?
Спишь-ли ты? Быть можетъ всякія обновки
Богъ-Морфей готовить для твоей головки.
Для Морфея нѣтъ вѣдь никакихъ таможенъ.
Для твоей головки всякій сонъ возможенъ —
Глупая головка!

Солнце поднимаетъ

Изъ за сосень шаръ свой. Сильно припекаетъ
Жатву. Сладко пахнетъ въ воздухъ гречихой.
По ржаному полю утренничекъ тихій,
Вѣтерокъ, гуляя, росу отрясаетъ,
Быть дождю иль вѣдру — по росѣ гадаетъ
И шуршитъ соломой, словно безпокоюсь,
И ему колосья кланяются въ поясъ.
А лопухъ, высоко поднимая шишку
Съ вѣникомъ, изъ листьевъ сдѣлалъ точно крышку,
Такъ расположилъ ихъ, что подъ ихъ навѣсомъ
Въ жаръ всегда прохладно молодымъ повѣсамъ.
Въ сей харчевнѣ много всякихъ насѣкомыхъ;
Но, на это время, никого знакомыхъ.
Вотъ сидитъ кузнечекъ, но не нашъ кузнечекъ,
А другой, — и куритъ, точно человѣчекъ.
Съ нашимъ музыкантомъ онъ одной породы —
И скрипачъ, быть можетъ, но не любитъ моды:
Лапками на шею повязалъ тряпицу,
Въ зубы взялъ сигару, да и корчитъ птицу.
Клопика заставить заплатитъ за водку,
Напоить козявку, осмѣять коровку,
Муху одурачить, паука спровадить,
И при всемъ при этомъ съ цѣлымъ міромъ ладитъ —
Былъ онъ мастерище. — Страстно обожалъ онъ
Нашего артиста; рѣдко покидалъ онъ

ЛЕВЕНЦЪ

Друга, даже пьяный; передъ цѣлымъ свѣтомъ
Защищаль — и часто надѣляль совѣтомъ, —
Ибо, хоть и рѣдко бралъ онъ книги въ руки,
Зналь онъ твердо «Слово» и не вѣрилъ въ «Буки».
Подъ лопухъ въ харчевню рано онъ забился,
Потому что утромъ не шутя бранился.

Больно было другу — больно и досадно —
Глядя на артиста, видѣть какъ не складно
Онъ проводитъ время, вѣчно задыхаясь
Отъ безплодной страсти, и ни въ чемъ не каясь.

Но пора вернуться къ нашему герою!

Тотъ, кто болѣнь сердцемъ — болѣнь головою,
Такъ всегда бываетъ, — тотъ не жди успѣха,
Чье больное сердце головѣ помѣха.

Бабочка гуляла — и кузнечекъ тоже

(Такъ и мы гуляли, бывши помоложе!), —

Наконецъ, гуляя, встрѣтились — и ножки

Подогнувъ, кузнечекъ ей кивнулъ. — Съ дорожки

Бабочка, виляя, сѣла на цвѣточекъ.

Онъ — прыгъ - прыгъ — и рядомъ сѣлъ на бугорочекъ.

— Ахъ! она сказала: — я не ожидала!

Я васъ за другого приняла сначала!

Вашу эниграмму намъ вчера достали:

Вы мою сосѣдку мило оправдали.

На неё за это всё напали вдвое....

(Насѣкомыхъ племя — племя очень злое!)

Впрочемъ, ваши мысли такъ всегда игривы,

Такъ всегда глубоки, такъ краснорѣчивы

И такъ звуки сладки — точно земляника. —

Лестное сравненье — было очень дико;

Но его артистъ мой даже не замѣтилъ —

И ужь я не знаю, что онъ ей отвѣтилъ.

— Ба! его Сильфида громко перебила:

— Вы мнѣ написали ноты?! Ахъ, какъ мило!

Очень благодарна! очень благодарна!

И она при этомъ тонко и коварно

Улыбнулась; глазки стали веселѣе,

Или — кто пойметъ ихъ? — стали просто злѣе.

Помолчавъ немного, бабочка вздохнула

И сказала: — Поздно я вчера заснула....

У моей кузины я была на балѣ....

То-то-бъ вы влюбились, если бъ увидали!

Впрочемъ, извините! — я васъ утомила

Болтовней. Прощайте! —

И она сложила

Крылышки (такъ точно бабушкины внучки,

Гостю присѣдая, складываютъ ручки),

И по-надъ-дорожкой, тихо ковыляя,
Словно листикъ вѣтромъ сорванный, мелькая
Бѣлизною крыльевъ, понеслась Сильфида.
Скоро мой кузнечекъ потерялъ изъ вида
Полевую фею, подскакнулъ, вцѣпился
Въ усики ржаного колоса, — и злился,
Что проклятый вѣтеръ колосъ нагибаетъ,
Нагибая колосъ, видѣть въ даль мѣшаетъ....
Въ этомъ положеньи шмель его увидѣлъ
И нескромнымъ словомъ прыгуна обидѣлъ.
Бѣдненькій кузнечекъ тутъ же спохватился,
Растопырилъ фалды и въ траву свалился.

Н Ъ С Ъ Ъ III.

На глазахъ съ повязкой, стало быть слѣпая,
Ѣдетъ гдѣ понало, день и ночь зѣвая,
Глухая Фортуна. Ею прихоть править.
На однихъ наѣдетъ — колесомъ раздавить,
На другихъ наткнется — вдругъ начнетъ бросаться
Золотомъ, чтобъ только поскорѣй умчаться,
Да забрызгать лишкой грязью пѣшехода,
Да загнать въ объятя красоты уroda,
Или, такъ безъ пользы и не для примѣра,
Сдернуть мимоѣздомъ маску съ лицомѣра.
Рыская по свѣту, этотъ идоль свѣта
Не имѣетъ сердца. Прихотница эта
Никого не любить — и когда бросаетъ

Деньги, звѣзды, ленты — денегъ не считаетъ ;
Звѣздъ сама не поситъ, лентъ не покупаетъ ;
И когда счастливо влюбитъ двухъ несчастныхъ,
Ихъ лица не видя, изъ рѣчей ихъ страстныхъ
Вѣрно заключаетъ, что влюбиться значитъ :
И себя дурачить и другихъ дурачить.
Такъ сама Фортуна, на глазахъ съ повязкой,
Счастье въ этомъ мѣрѣ почитаетъ сказкой.
Для такой богини цѣлый мѣръ — пустыня!
И не то чтобъ эта странная богиня
Къ нашему герою благосклонна стала:
Только улыбнулась и въ него попала
Чѣмъ то благовоннымъ, проѣзжая мимо.
Здѣсь, поставивъ точку, мнѣ необходимо
Вамъ сказать, что жертва тайнаго страданья
Мой герой, кузнечекъ, получилъ посланье,
Спыснутое амброй. Бабочка писала :
«Приходите: жду васъ!» — Счастія не мало
Въ себѣ заключало это выраженье —
«Приходите: жду васъ!» — Это приглашенье
Принялъ мой кузнечекъ съ той надеждой темной,
При которой искра кажется огромной
Огненной звѣздою. Другъ его, гуляка,
Принималъ все къ сердцу — много вралъ. Однако,
Если только слушать мы его захочемъ,
Говорилъ такія рѣчи, между прочимъ:

«Ты, братъ, разсуждаешь глупо и постыдно!

Буду правду рѣзать: гдѣ же это видно,

Чтобъ сверчекъ...»

— Кузнечекъ, перебилъ кузнечекъ.

«Чтобъ сверчекъ...»

— Кузнечекъ, перебилъ кузнечекъ.

«Ну хоть и кузнечекъ! — ну, положимъ даже

Ты сверчка немного чище и поглаже,

И немножко больше чувствуешь свободы —

Все-жъ ты, братецъ, съ нею не одной породы.

Знаю я всѣхъ этихъ бабочекъ, бабошекъ!

Жить онѣ не могутъ безъ цвѣтныхъ вѣтошекъ;

За женой бабошкой гдѣ-жъ тебѣ упрыгать?

Гдѣ-жъ тебѣ повсюду вслѣдъ за нею шмыгать?

Въ свѣтѣ, гдѣ нерѣдко всѣхъ умнѣй — невѣжда,

На талантъ — плохая, братецъ мой, надежда.»

— Слава — вотъ надежда.

«Экой, братъ, ты право!

Разсуди же здраво и пойми, что слава

У людей бываетъ; а у насѣкомыхъ,

Что такое слава? — болтовня знакомыхъ.

Мы не лавры носимъ — носимъ побрякушки,
То-есть, наша слава просто — *финтифлюшки*,
Какъ сказалъ когда-то авторъ водевильный
Публикѣ, пуская пузырьречекъ мыльный.»

Тутъ гуляка видно, утомившись споромъ,
Оглядѣль артиста мутно-строгимъ взоромъ;
Выпилъ рюмку водки, пискнулъ, углубился
Въ созерцанье почвы и — утомился.
Ну, и слава Богу! — Не до возраженій
Было музыканту. Какъ упрямый геній
Онъ, съ хлыстомъ на мѣсто безпокойной скрипки,
По межѣ зеленой поскакалъ подъ Липки.
Липки — это было нѣчто въ родѣ парка:
Въ серединѣ — прудикъ, а при въѣздѣ — арка
Изъ вѣтвей — такая, что была, безспорно,
Чудомъ совершенства; такъ была просторна,
Что, вообразите, насѣкомыхъ двѣсти
Въ рядъ могло бы въѣхать. Вы меня повѣсьте,
Если вру! Строитель, я и не скрываю,
Быль — сама природа; только я не знаю,
Кто ей за работу заплатилъ; а впрочемъ
Здѣсь мы о природѣ вовсе не хлопчемъ....
Такъ, чтобъ журналисты насъ не заклевали,
Признаюсь, что въ домѣ бабочекъ едва-ли
Описать возможно лѣстницу подъ желтымъ

Коврикомъ изъ моху, кое-гдѣ протертымъ;
Пасмурныя сѣни, гдѣ съ утра лакеи
Безъ сапогъ быть могутъ, но не безъ ливреи;
Залу, гдѣ гнилушки, точно сталактиты,
Облѣшивъ карнизы, зеленью повиты.
Мой одинъ знакомый, архитекторъ русскій,
Видѣлъ въ этой залѣ черепокъ этрусскій;
И, я живо помню, хвасталъ не краснѣя,
Какъ ему въ той залѣ вдругъ пришла идея
Украшать со вкусомъ барскіе покои,
Покрывая бѣлой плѣсенью обои.
Впрочемъ, домъ Сильфиды, если только строго
Придираться къ стилю, смахивалъ не много
На дупло.

Кузнечекъ такъ былъ очарованъ,
Или такъ былъ сердцемъ наэлектризованъ,
Что дрожалъ и таялъ, — молча ждалъ Сильфиды,
Подходилъ къ окошку и глядѣлъ на виды.
А Сильфида съ кѣмъ-то по саду порхала;
Съ милыми гостями весело болтала.
Гости эти были черви разныхъ клочекъ
И въ травѣ лежали въ видѣ заковчечекъ.
Чернокожій клонокъ, вѣрно сынъ швейцарскій,
Или внучекъ пяни, крестничекъ боярскій,
Доложилъ Сильфидѣ, что какой-то длинный

Господинъ изволить ждаты еѣ въ гостинной.

.....

Приглашенъ герой мой; ему отвѣчали

На поклонъ улыбкой и пробормотали:

«Очень, очень рады!» — Баршни оглядѣли

Всю его фигуру и едва съумѣли

Удержать свой хохоть — только покосились

На мушницъ; но черви не пошевелились;

Ибо умъ ихъ кто-то такъ ужасно съузилъ,

Что для нихъ довольно бантикъ или узелъ

Галстука замѣтитъ, чтобъ на остальное

Не глядѣть, и въ гордомъ пребывать покоѣ.

Поприще артиста къ разнымъ столкновеньямъ

Приучаетъ душу; но къ обыкновеньямъ

Милыхъ насѣкомыхъ высшаго разряда

Не привыкъ герой мой. Вдалекѣ отъ сада,

Бѣдень, худъ и блѣдень, съ головы до пятокъ

На себѣ носилъ онъ поля отпечатокъ,

Поля, гдѣ лишь тучи подаютъ свой голосъ,

Колосится жатва и серпа ждетъ колосъ.

Знаю, о кузнечекъ! какъ ты былъ отмѣнно

Бабочкою принять. Ты себя надменно

Вель, какъ будто цѣлый вѣкъ торчалъ ты въ свѣтѣ,

Съ юныхъ лѣтъ гуляя въ собственной каретѣ.

Но, скажи, въ тотъ вечеръ, что съ тобою стало

И какимъ безвѣстнымъ чувствомъ сердце сжалось,

И какія думы охватили жарко
Геніальный лобъ твой, въ часъ, когда изъ парка
Ты обратно въ поле мчался черезъ кочки?
Отвѣчать-ли?.. или — мы поставимъ точки
.....

(Будто бы ценсура выклевала строчки).

Но злодѣй-кузнечекъ, что же ты ни слова
Не сказалъ гулякѣ въ ночь, когда другого
Не имѣлъ ты друга, съ кѣмъ бы подѣлиться
Снами, отъ которыхъ часто плохо спится?
Ненавистникъ свѣта, бабочекъ крылатыхъ,
Гладенькихъ коровокъ и червей лохматыхъ,
Онъ — едва вошелъ ты — спросилъ сердито:
«Что братъ, былъ-ли ужинъ? накормили сыто,
Или и понюхать нѣ дали съѣстного?
Что, братъ, какъ дѣлишки? Все ли тамъ здорово
И благополучно? Ты чему смѣешься.
Эх-ма, ничего ты, братецъ, не дождешься.»

— Спи, сказалъ кузнечекъ. —

«Сплю», сказалъ гуляка.

И, вздравши къ верху ноги изъ подъ фрака,
Захрапѣлъ.

П Ъ С Н Ъ І V .

Уходя, день ясный плакаль за горою,
И, роняя слёзы, жаркою зорею,
Изъ за темной рощи, обхватилъ край нивы.
Ночь глядѣла дню во слѣдъ, и переливы
Свѣта отражались и дрожа блуждали
По ея ланитамъ. Тихо начинали
Выходить свѣтила, мѣсяца предтечи,
Передъ Божьимъ трономъ зажигаая свѣчи.
Далеко стемнѣло море жатвы зыбкой.
Грустная береза обнялася съ липкой.
Призатихла роща. Только дубъ шушукаль,
Только гдѣ-то дятель крѣпкимъ носомъ тукаль,
Только гдѣ-то струйки смутно лепетали,

Только роковыя страсти не дремали,
Только насѣкомыхъ міръ неугомонный
Голосилъ немолчно въ тишинѣ безсонной.
Стрекотали мухи; комары трубили;
На своихъ скрипцахъ весело пилили,
Лихо зная ноты, стало быть безъ свѣчекъ,
Тѣ, которыхъ хоромъ управлялъ кузнечекъ.
Впереди оркестра, на своей скрипицѣ
Громче всѣхъ пилилъ онъ въ честь своей царицы.
Выходила замужъ бабочки кузина,
И женихъ былъ славный съ хоботкомъ дѣтина;
По уму конечно не былъ изъ проворныхъ;
Но происходилъ онъ отъ червей отборныхъ.
По словамъ невѣсты, онъ лишь былъ несносенъ
Тѣмъ, что безъ разбора запахъ старыхъ сосенъ
Сравнивалъ съ весеннимъ запахомъ фіалокъ,
Уважалъ шиповникъ и боялся галокъ.
Но какое дѣло намъ до этихъ вздоровъ.
Баль великолѣпный! Звуки льются съ хоровъ;
Шпанскихъ мухъ десятки въ золотыхъ ливреяхъ
Курятъ ароматы въ сумрачныхъ аллеяхъ.
Свѣтляки, подобно шкаликамъ и плошкамъ
Вспыхивая, блещутъ вдоль по всѣмъ дорожкамъ.
Копошата гости. Въ мѣсячномъ сіяньѣ
Бабочки порхаютъ въ бальномъ одѣяньѣ.
Стрекоза, сцѣпившись съ стрекозой, несется.

Пестрый вихорь вальса шелеститъ и вьется.
Жуколицы ходятъ около буфета;
Ползаютъ козявки.... И большаго свѣта
Женскія особы — божіи коровки
Собрались другъ-другу показать обновки.
Молча подбираясь къ двумъ зеленымъ мухамъ,
Два жучка какихъ-то выступаютъ брюхомъ
На короткихъ ножкахъ. Муравей, съ шнуровкой
Подъ жилетомъ моднымъ, съ желтенькой коровкой
Важно и небрежно, присядая, пляшетъ.
Рѣзвая Сильфида крылышками машетъ;
Глазки, носикъ, ножки, платица узоры —
Всё въ ней поневолѣ привлекаетъ взоры.
Мой артистъ кузнечекъ и душой пылаетъ,
И очей не сводитъ, и какъ чертъ играетъ.
По ея же просьбѣ, сердцемъ неизмѣнный,
Сочинилъ онъ этотъ танецъ вдохновенный,
Танецъ, подъ который скачутъ и понынѣ
Стаи насѣкомыхъ на любой куртинѣ
Вашего же сада, если, о, читатель!
Садъ иль хоть садикъ да далъ тебѣ Создатель.
Но и насѣкомыхъ балъ не обошелся
Безъ скандала: въ паркѣ, говорятъ, нашелся
Злой паукъ, который, съ вѣточки на вѣтку
Протянувши нити, невидимку-сѣтку
Сдѣлалъ такъ канальски-ловко и искусно,

Что тайкомъ быть можетъ и покушалъ вкусно.
Говорять — вдобавокъ шлепнулась коровка,
И у ней отъ страха лопнула шнуровка.
Самъ артистъ замѣтилъ, какъ его Сильфиду
Паучёкъ какой-то, пренаивный съ виду,
За крыло задѣвши чѣмъ-то въ родѣ петли,
Притянуть старался, и глядѣлъ ужь — нѣтъ-ли,
Гдѣ такого мѣста въ этомъ чудномъ садѣ,
Чтобъ минутъ хоть десять провести въ прохладѣ,
Въ тишинѣ, въ уютѣ, дальше отъ волненья ...
Но артистъ ревнивый понялъ ухищренье,
Подскочилъ и порвалъ роковыя нити.
Паучекъ надулся; а комаръ: «смотрите»,
Пропищалъ артисту: «какъ вы замарались,
Точно въ неприличномъ мѣстѣ обрѣтались!»
Покраснѣлъ кузнечекъ: видитъ — паутина
Къ рукаву прилипла.

— Экая скотина! —

Проворчалъ и вытеръ. Бабочка ни слова
Не сказала, только выбрала другого
Въ танцахъ кавалера: кавалеръ крылатый
Быль ея сосѣдки братецъ глуповатый.

— Правда-ли, спросилъ онъ: — слухъ идетъ изъ нивы,
Будто-бы въ маэстро страстно влюблены вы?

Будто-бы кузнецекъ говорилъ, что хочетъ
Онъ на васъ жениться — и о томъ хлопочетъ?

«Что вы говорите?» молвила Сильфида:

«Мой женихъ — кузнецекъ! Какова обида!»

Кто такіе въ свѣтѣ распускаетъ слухи?

Или эту глупость выдумали мухи!»

— Нѣтъ, совсѣмъ не мухи-съ! кто то изъ оркестра
Говорилъ, что будто слышалъ отъ маэстро.

Фея надъ собою сдѣлала усилье,
Чтобъ не разсердиться — и, встряхнувши крылья,
Бросила холодный взглядъ на музыканта,
А когда кричали въ честь его таланта:
«Браво! фора! фора!» — дѣлала гримаски,
Или улыбалась, опуская глазки.

Баль подъ темнымъ небомъ длился до разсвѣта.
Бабочка устала. — Вдругъ, за рощей гдѣ-то
Соловей защелкалъ.

Ей тогда сказали
(Можно-ли безъ лести обойтись на балѣ!),
Ей сказали: — Фея! прекратите танецъ,
Слышите-ли пѣнье? — это иностранецъ,
Соловей пролетный вздумалъ серенаду
Вамъ давать. —

И точно, по всему-то саду
Разсыпались звуки, страстно замирая
Въ безконечныхъ треляхъ. Бабочка, внимая
Соловью, мечтала. Въ это время сзади
Подошелъ кузнечекъ.

— Фея! — Бога ради!...

Что вы такъ печальны?...

«Ахъ!» она сказала:

«Вы мнѣ помѣшали... Я воображала,
Что таланты нашихъ, не всегда приличныхъ
Скакуновъ, достойны тѣхъ пѣвцевъ столичныхъ,
Имена которыхъ славны за границей.
Боги! для чего я рождена не птицей!
Будь я птицей.... Впрочемъ, если захочу я
Соловья послушать, завтра жъ полечу я....»

— О! сказалъ кузнечекъ....

«Жалкій музыкантикъ!»

Прошептала Фея, пощипавши бантикъ
На своемъ корсажѣ: «Развѣ я не знаю....»

— О! сказалъ кузнечекъ: — я не понимаю,
Что вы говорите. Соловьи опасны,

И къ тому-жь, положимъ, пѣсни ихъ прекрасны —
Все-же не въ народномъ духѣ.

Засмѣялась

Бальная царица — п, какъ тѣнь, умчалась.
Бѣдненькій кузнечекъ тутъ же носъ повѣсилъ
И одинъ остался, блѣдень и не весель.
Вотъ упала слезка на листочекъ влажный,
Съ вѣтеркомъ промчался чей-то вздохъ протяжный,
Словно колокольчикъ звякнулъ въ отдаленьѣ.....
Ничего герой мой не слыхаль: презрѣнье
Было слышкомъ явно.... И глядѣль онъ мутно
Въ тѣмный лѣсъ, откуда, сладко раздражая
Благовонный воздухъ, и не умолкая,
Соловьиныхъ пѣсень раздавались трели,
И шепталъ онъ: — Боги! боги! неужели?
Что жъ это такое? отъ чего же это?...
Или для поэта миновало лѣто? —
Пойте, пойте, птицы! — Но сердца больныя
Врачевать не могутъ пѣсни не родныя.

ПѢСНЬ V.

— Плачь родная Муза! Затяни ты пѣсню:
Не о томъ, какъ «ходить молодецъ на Пресню»,
Не о томъ, какъ «пряха пряла — не лѣнилась»,
Не о томъ, какъ «Волга матушка катилась», —
Спой намъ пѣсню такъ, чтобъ туча разразилась
Надъ широкой нивой, чтобъ дождемъ шумящимъ
Пробѣжала сила по листамъ дрожащимъ,
Чтобъ червей, враждебныхъ зелени и лѣту
Ненавистныхъ, надкихъ къ завязи и цвѣту,
Смыло, разнесло бы по крутымъ оврагамъ!
Туча дождевая, будь ты нашимъ благомъ!
Поднимая вѣтеръ, оборви ты сѣти
Паука съ крестами, что гордится въ свѣтѣ

Тѣмъ, что изсушилъ онъ множество народу,
Изъ души и сердца высосавъ свободу!
Бабочкамъ грозою опали ты крылья,
Чтобъ хоть ихъ за это снова полюбилъ я! —
Такъ стоналъ кузнечекъ подъ наитьемъ бурной
И мятежной думы. А надъ нимъ лазурный
Василекъ качался, наливался колосъ,
И, жужжа, знакомый проносился голосъ:
«Слышишь-ли ты грома дальніе раскаты?
«Погляди на тучки, что безъ крыль крылаты,
«Мрачны безъ печали, безъ улыбки ясны,
«Какъ гроза могучи, какъ туманъ безстрастны!»
Проносился голосъ, но въ душѣ артиста
Раздавалось что-то въ родѣ злого свиста.
Оскорбленный свѣтомъ, огорченный баломъ,
Не на шутку мрачнымъ сталъ онъ либераломъ.
Въ этомъ мѣстѣ надо, въ видѣ объясненья,
Маленькое къ Липкамъ сдѣлать отступленье.
Бабочка, герою измѣнивъ, сначала
За его нескромность уколоть желала;
А потомъ — головка видно закружилась —
И она не въ шутку въ соловья влюбилась.
Иностранецъ этотъ въ мѣрѣ насѣкомыхъ,
Говорятъ, былъ дерзокъ и клевалъ знакомыхъ.
Отомстить любовью этой чудной птицѣ,
Приковать къ побѣдной своей колесницѣ,

Пѣсни и посланья сочинять заставить
И, быть можетъ, въ свѣтѣ тѣмъ себя прославить:
Вотъ что замышляла вѣтренная фея.
Къ нашему-жь герою, просто не краснѣя
И не церемонясь, клопика послала,
И «*блоходарю* васъ» ему написала.
Эта «*блоходарность*», вмѣсто «*благодарность*»,
Пуще огорчила моего героя.
А гуляка страшно хохоталъ и, строя
Разныя гримасы, говорилъ, что блохи
Болѣе полезны, чѣмъ пустые вздохи.
Можетъ быть, артистъ нашъ, разъ отдавшись снова
Музамъ, позабылъ-бы, какъ любовь сурово
Обошлась съ нимъ, то-есть: позабылъ-бы эту
Вѣтренную фею; къ будущему лѣту
Сочинилъ-бы кучу гимновъ и сонетовъ,
Былъ-бы снова счастливъ счастьемъ поэтовъ,
Сѣлъ-бы на соломку, чтобъ во славу ночи
На своей скрипицѣ пилить что-есть-мочи;
Но, къ его несчастью, вдругъ распространилась
Вѣсть, что будто что-то съ бабочкой случилось:
Говорили, будто бабочка бѣжала,
Бабочка погибла, бабочка пропала.
Прямо шли изъ парка эти злые слухи,
Стало быть не врали комары и мухи:
Была вѣроятность! Долго этимъ слухамъ

Мой артистъ не вѣрилъ. Вдругъ, какъ бы обухомъ
Кто-нибудь героя съѣздилъ прямо въ ухо,
Онъ повѣрилъ разомъ въ достовѣрность слуха,
Только что успѣлъ онъ всѣхъ предать проклятью,
Получилъ пакетикъ съ маленькой печатью.
Вотъ письмо:

«Вы были къ намъ равнодушны —
«Если правда, будьте хоть любви послушны:
«Поищите нашу милую Сильфиду
«И ее не дайте соловью въ обиду.
«Кто вамъ это пишетъ, сами угадайте.
«Если-жь будутъ вѣсти, въ Липки передайте».

Прочитавъ такое странное посланье,
Онъ въ припадкѣ страсти и негодованья
Началъ просто хныкать.... хныкалъ, долго хныкалъ!
(Эдакое горе онъ себѣ накликалъ!)
Приближался вечеръ. — Къ счастью, гуляка
Былъ въ харчевнѣ, клюкнулъ и, краснѣе рака,
Постучался къ другу. Онъ разставилъ ноги,
Увидавши слезы и слѣды тревоги
На лицѣ артиста.

«Ба! Какія страсти!
Вышей братецъ, клюкни! — будешь нашей масти!»

Возгласилъ гуляка: «плюнь ты на Сильфиду —
И тебя не дамъ я никому въ обиду.»

— Бѣдная Сильфида, что съ ней? — не безъ писку
Отвѣчалъ кузнечекъ: — нà! прочти записку.

«Ничего не вижу!» — пробурчалъ гуляка,
Ибо онъ не даромъ былъ краснѣе рака.

Туть ему кузнечекъ разсказалъ въ чемъ дѣло,
И они рѣшились въ путь пуститься смѣло.

Мой герой готовъ былъ съ соловьемъ хоть драться,
А гуляка вышелъ просто поразмяться.

П Ъ С Н Ъ VI.

Вечеръ былъ ненастный. Квакали лягушки;
Подъ налетомъ вѣтра зыбія верхушки
Жатвы колыхались, словно волны; капаль
Тихій дождь — и гдѣ-то перепель вавакаль;
Паучки свернулись; пораскисли мушки;
Комары притихли. Около опушки
Лѣса нашъ кузнечекъ шель самъ-другъ съ гулякой.

— Слушай-ка, пріятель! надо-бы на всякой
Случай запасться намъ фонаремъ, шагая
Говориль гуляка. Но, не возражая
На совѣтъ, кузнечекъ пріостановился:
Съ вѣтромъ изъ тумана къ нему доносился

Звукъ ему знакомый: два степныхъ артиста
На дрянныхъ скрипцахъ хрипло и нечисто
Выводили нотки.... безпрестанно эти
Нотки обрывались.

— Ты имѣй въ предметѣ,
Продолжалъ гуляка: — что въ потьмахъ наткнуться
Можно на лягушку, или кувыркнутья.
Гей! — онъ свистнулъ. — Кто тамъ? — и подъ подорожникъ
Заглянувши, крикнулъ: — Ну-ка, ты, пирожникъ,
Выходи! — И вышелъ таракашекъ смуглый,
Какъ медовый пряникъ и какъ булка круглый.

«Что вамъ надо?»

— Гдѣ тутъ къ свѣтляку дорога? —

«Дальше, баринъ, дальше! по правѣй немного,
Тамъ подъ божьей травкой двѣ еловыхъ шишки,
Тамъ спросите.... Жаль вотъ снять мои мальчишки.....»

— Э! сказалъ гуляка: — мы идемъ не свищемъ,
А къ еловымъ шишкамъ сами путь отыщемъ.

«Дали-бы на водку, я пошелъ-бы съ вами.»

— Не ходи любезный! — шевеля усами,

Возразилъ гуляка.

«Больно ночь муруга!»

— Ну, не ври любезный! —

И пошли два друга

Къ двумъ еловымъ шишкамъ. Стукъ-стукъ! — Отворяй-ка
Двери! —

«Кто тамъ?»

— Лѣшій! —

«Кто тамъ?»

— Вылѣзай-ка! —

И свѣтлякъ съ разбитымъ фонаремъ пустился
Въ лѣсъ казать дорогу. Клялся и божился,
Что совсѣмъ не знаетъ, гдѣ тамъ обитаетъ
Соловей, что нужно, если кто желаетъ
Знать его *квартиру*, допросить у Розы.

— Я, сказалъ гуляка, у такой занозы

Спрашивать не стану: и глуна ужасно,
И молчить, какъ рыба, и не безопасна. —

«Ну, такъ хоть улитку допросите.»

— Враки!

Ты совсѣмъ не знаешь гдѣ зимуютъ раки.
Надо въ тихомолку пробираться въ лѣво,
Къ муравьинымъ кучамъ дальше отъ посѣва. —

Вдругъ гуляки голосъ превратился въ шопоть:
Въ темнотѣ раздался чей-то рѣзвый топоть,
Въ кустъ черезъ дорогу проскакала мышка.
У гуляки тотчасъ началась одышка:
Онъ маленько струсилъ. Впрочемъ, отъ испуга
Скоро онъ очнулся, догоняя друга.
Вѣтеръ унимался и луна въ сквозные
Своды темной рощи, словно золотыя
Струны протянула. Мшистые коренья
Просіяли, словно дожидаясь пѣнья.
И, о чудо! въ дебряхъ вдругъ раздался голосъ
Соловья — и дрогнулъ мой артисъ, и вѣлось
Дыбомъ на макушкѣ всталъ отъ ощущенья
Страха и тревоги, гнѣва и смятенья.

«Вотъ онъ! вотъ!» шепнулъ ояъ, притаивъ дыханье.

— Что это за пѣнье? — Просто рокотанье —
Тутъ ему замѣтилъ другъ его, гуляка:
Все въ однихъ руладахъ, все въ однихъ.

«Однако,

Возразилъ герой мой: «не бранись напрасно!
Плутьъ едва-ли можетъ пѣть такъ сладкогласно.»

— Что вы тутъ? Зачѣмъ вы?! — харю выставляя
Изъ норы, спросила ихъ оса лѣсная.

«Эхъ, оса голубка! что ты смотришь волкомъ;
Мы не лиходѣи — отвѣчай намъ толкомъ:
Вышли мы на поискъ....» И кузнечекъ смѣло
Выглянувшей харѣ объяснилъ въ чемъ дѣло.

— Нешто я не знаю, какъ она вертѣлась, —
Защищала харя: — пофиньтитъ хотѣлось....
Этому никакъ ужь третій день, какъ минулъ....
Соловей-то клюнулъ, да потомъ и кинулъ.
Ползала бѣдняжка, ползала не мало;
Если въ муравейникъ съ дуру не попала,
Гдѣ-нибудь у нашихъ червяковъ спросите....
Я-жъ оса — и только, — ну и не взыщите! —
Съ этимъ словомъ, какъ-то скорчась, опустилась

Харя въ норку и въ подвалѣ скрылась.

«Такъ-бы вотъ и съѣздить я по этой харѣ»

Проворчалъ гуляка: «если бѣ былъ въ ударѣ.»

Но артистъ-кузнечекъ горестнымъ разговоромъ

Такъ былъ отуманенъ, что, казалось, разумъ

Потерялъ.... И долго сладостныя трели

Соловья такъ смутно для него звенѣли,

Какъ звенить порою въ часъ ночной мятели,

Глухо замирая, колокольчикъ дальный

Въ глубинѣ пустыни снѣжной и печальной.

ПѢСНЬ VII.

Долго до полночи прыгуны блуждали,
Наконецъ на свѣжій слѣдъ они попали.
Свѣтлячекъ вертѣлся подлѣ нихъ не даромъ,
И Діана, тучку золотымъ пожаромъ
Охвативъ, не даромъ отклоняла вѣтки,
И кой-гдѣ чертила яркія отмѣтки:
Для моихъ героевъ блѣдный лучъ богини
Путеводнымъ свѣтомъ былъ среди пустыни.
Тамъ, не подалѣку спѣющей брусники,
Подъ корнями красной полевой гвоздики
Одинокимъ трупомъ бабочка лежала:
Ножки протянула, крылья распластала,
И, казалось, лежа небесамъ молилась,
Вся окоченѣла, но не измѣнилась:
Тотъ же сохранился очеркъ милый, нѣжный,
Тою же сіяли бѣлизною свѣжюю
Матовыя крылья. Черная косынка

На груди раскрылась. Крупная слезинка,
Какъ алмазь, блестѣла около рѣсницы,
И какъ бархатъ были темныя косицы.
Мертвая казалась сонной; но чернѣла
Маленькая ранка.... Молча возлѣ тѣла
Постоялъ кузнечекъ, сердцемъ надрываясь.
Молча съ огонечкомъ къ трупѣ наклоняясь,
Свѣтлячекъ, какъ будто сильно пораженный
Небываломъ чудомъ, жмурился, какъ сонный.
У гуляки тоже хмѣль прошелъ. — Сурово
Онъ глядѣлъ и то, что видѣлъ, было ново
Для него. Онъ понялъ, что была бѣ тутъ шутка
Вовсе неприлична. Даже какъ-то жутко
Становилось сердцу вѣчнаго гуляки,
Даже покривилась рожа забіяки,
Потому, что былъ онъ добрая скотинка,
Видя, какъ у мертвой на лицѣ слезинка
Неподвижно свѣтлой капелькой стояла.
Онъ шепталъ: «Бабошка! — Ты отпировала!
Такъ и мы у смерти дни свои воруемъ;
Попадемся съ кражей — да и отпируемъ!»
Впрочемъ, мой гуляка былъ такого сорту,
Что свое унынье вмигъ отправилъ къ черту,
И, толкнувъ артиста, молвилъ: «ну, конечно,
Жаль, да вѣдь нельзя же горевать намъ вѣчно!
Сдѣлаемъ носилки, и ее прилично

Отнесемъ подъ Лишки. Все пойдеть отлично.
Только ты напрасно, братъ, не надрывайся,
Силъ не трать, и плакать послѣ постарайся.
Сдѣлали носилки, положили тѣло,
Подняли и долго поступью не смѣлой
Шли они по травкамъ, шли они по кочкамъ.
Впереди, мелькая яркимъ огонечкомъ,
Шель свѣтлякъ — и сотни разныхъ насѣкомыхъ,
Нашему артисту вовсе незнакомыхъ,
Шумно просыпались въ перелѣскѣ темномъ. —
«А! ба! кто тамъ? что тамъ?» — слышалось въ сонномъ
Царствѣ. Вдругъ во мракѣ жалкій пискъ раздался:
Муравей какой-то подъ ноги попался
Нашему гулякѣ — онъ его и тиснулъ.
Вслѣдъ за этимъ визгомъ — въ роцѣ кто-то свистнулъ.
Комары, проснувшись и поднявшись роемъ,
Затрубили въ трубы, точно передъ боемъ;
Но, слетѣвшись кучей — и увидѣвъ тѣло,
Взяли тономъ ниже (поняли въ чемъ дѣло....)
И, трубя плачевно, въ разстояннн дальномъ
Огласили воздухъ маршемъ погребальнымъ.
Къ свѣтляку другіе свѣтляки пристали:
Свѣчи ихъ то гасли, то опять мелькали.
Съ жалобнымъ жужжаньемъ поднимались мухи,
И, жужжа, другъ другу повѣряли слухи.
Бабочка — Сильфиды прежняя подруга —

Высунула носикъ, блѣдная съ испуга,
И потомъ, спустившись по листочкамъ, сѣла
На холодный камень и — оцѣпенѣла.

Предразсвѣтнѣй вѣтеръ, невидимкой вѣя,
Думаль, что воскреснетъ молодая фея:
Шевелилъ у мертвой легкими крылами,
И дышалъ въ лице ей влажными устами,
И потомъ далекимъ проносился стономъ,
И по всѣмъ тропинкамъ отдавался звономъ,
Чашечки лиловыхъ цвѣтиковъ качая.

И роса, какъ слезы, холодно сверкая,
Медленно стекала съ усиковъ цвѣтущей
Повелики, робко по стволамъ ползущей;
И благоухали тысячи растеній;

И сквозь дымъ деревья въ видѣ привидѣній
Головой кивали. — Тихо раздвигая
Облака, вставала зорька золотая, —
И когда все стало ясно отъ улыбки
Пламенной богини, принесли подъ липки
Мертвую Сильфиду — тамъ ее сложили,
Вырыли могилку и похоронили.

И когда надъ этой новою могилой
Думаль злукъ думу мой артистъ унылый,
Въ жаркихъ искрахъ солнца за лѣсной курдюхой
Звучно раздавался рокоть соловьиной.

